В. Шинкарев

ПАПУАС ИЗ ГОНДУРАСА

/ бред в трех частях /

1990 г.
Издательство
"Маленький Париж"
г. Запорожье
Д. Бондарчук

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Француз X / с ожесточением, вроде/ " Я тебе
покажу кузькину мать! Я научу вас любить
жизнь!"
/ из какого-то кино /

"Бывают дни, когда одна дурь в голове"
Р.Музиль

Мне лишнего эпиграфа не жалко:

"Великие люди ненапрасно пишут трактаты о
больших носах"
Л.Сторн

Заточник Валерий Марус, прийдя домой с производства, даже не успев поесть и отдохнуть, зачастую включает в работу прибор... нет, не прибор и не аппарат... включает в работу машину, представляющую собой коробку с экраном. Назначение машины - воспроизводить тяжелый и неинтересный бред. Эта всем знакомая машина называется телевизором, ее можно увидеть в самом неимущем доме.

В описываемый период времени Валера каждый день приходит с работы чуть поддатый и смотрит многосерийный телефильм. Иногда он пропускает целую серию, иногда застает только конец; иногда, осоловелый, вскидывает глаза на телевизор только при звуках выстрелов и громких криках. Случается, вероятно, что происходящее домысливается в полутьме. Бывает, что он по ошибке смотрит другую программу.

Вот Валера включает телевизор и тяжело плюхается на раскладушку.

На экране толпа людей в тельняшках и ватниках с плакатами: "Stop the neitron bomb!" ("Митьки всегда будут в говнище!"/англ./). Голос диктора за кадром:

- Мощная волна манифестаций против бесчеловечности...

Валера, выматерившись, встает с раскладушки и переключает телевизор на другую программу. Юрий Сенкевич:

- ... и в заключении нашей передачи интересный видеосюжет из Франции. Хочу предварить его любопытными данными опроса общественного мнения, которые приводит влиятельный буржуазный еженедельник "Монд". В середине восьмедисятых годов на вопрос хотят ли они на кого-нибудь походить, отвечали "оригинально" - 70% сознательного мужского населения Франции, 30% хотели бы походить на широко популярных киноактеров и рок-музыкантов, причем больше всего голосов получили Девид Боуи и Сильвестр Сталлоне.

Эта картина резко изменилась. Только 9% французов довольны своей внешностью, а Сильвестра Сталлоне иже с ним идеалом мужской красоты считает только 1%, 30% населения Франции мечтают быть похожими на Дмитрия Шагина. Желая вернуть себе утраченную популярность, такие известные в прошлом актеры, как Жан-Луи Барон и Жан-Поль Бельмондо отрастили бороды лопатой и подолгу лежат неподвижно, часто употребляя жирную пищу и пиво. Наш корреспондент на днях просил прокомментировать это явление известного публициста, философа, писателя и драматурга Жан Поль Сартра.

Корреспондент /говорит в микрофон, стоя спиной к Жан Поль Сартру, сидящему на раскладушке в углу раскошно обставленной залы. Жан-Поль Сартр слушает по кассетному магнитофону матросскую тишину, притоптывая валенками и размахивая кулаком/:

- Новая мода стремительно захватила Париж. Лучшие аристократические клубы раскрывают своим членам двери только в том случае, если на них одеты тельняшки и ватники, да и в любой ресторан первого класса вас теперь врядли пустят без ватных штанов.

/Поворачивается к Сартру/

- Мсъе Сартр, разрешите задать вам несколько вопросов о...

Сартр /ласково рычит/:

- А ты к интервьюшечке-то хорошо подготовился?

Корреспондент:

- О, да! Я внимательно изучил ваш труд "Из экзистенцианизма в говнище" и хотел бы...

Сартр /с некоторой тревогой/:

- Как, совсем не подготовился?

Корреспондент /внезапно все поняв, достает бутылку Клошарского вина и учтиво подает Жан Поль Сартру/

- Мсъе Сартр, разрешите задать...

Сартр /ласково кладя руку на корреспондента/:

- А за что ж ты так то? Будешь потом говорить, что Сартрушка тебя обожрал...

Корреспондент берет бутылку и делает глоток.

Сартр /с яростным криком" Стой, гад!" отбирает бутылку/

Корреспондент:

- Мсъе Сартр, разрешите...

Сартр /горько/:

- Пришел в жопу пьяный, все выжрал...

/Протягивая бутылку корреспонденту/

- ... на! пол-бутылки выжрал - так допивай уж всю до дна, коли так!...

Юрий Сенкевич:

- На этом разрешите попрощаться с вами, дорогие товарищи... И т.д.

Разумеется, я шучу. Ничего такого на самом деле не показывают. На самом деле на экране телевизора хорошо упитанный мужчина на фоне группы рабочих. Упитанный мужчина объясняет корреспонденту:

- Будут выполнены!

Голоса рабочих:

- Верно! Выполним!

Упитанный мужчина:

- Но главное для нас на производстве - помнить, что каждый человек - это лишность.

Рабочие /повесив головушку/:

- Верно. Лишность...

Совершенно очевидно, что рабочие, как, вероятно и упитанный мужчина, произносят слово "личность" от слова "лишний".

Валера переключает телевизор на другую программу.

- Не оставляйте надежды, маэстро, не убирайте ладоней со лба!

Допев, Окуджава молча сидит, улыбаясь!

- У меня вопрос! - звучит в зале; Окуджава, щурясь, ищет по залу говорящего.

- Да здесь, здесь! - раздраженно говорит женский голос, - сектор пять!

Окуджава не может отискат даже сектор пять и публика начинает хихикать над его непонятливостью. Наконец находит.

- Булат Жалвович, - говорит девица штурмового вида лет пятнадцати, одетая тысячи на три, как почти все в зале, - я хочу спросить: почему вы не поете острых песен?

Окуджава искренне веселится.

- Это каких-же острых?

- Ну, например, как у Боярского.

- Не знал, что Боярский поет... острые песни.

- Спасибо, Булат Окуджава, а почему вы не пишете песен про любовь?

- Вы знаете, я уже стар... но я пишу только про любовь!

Ведущий смеется, приглашая этим посмеяться и всю молодежь.

- У меня вопрос, сектор восемнадцать!

Снова канитель с поисками спрашивающего. Им оказывается юноша, весь в цепях, в браслетах с шипами, парик из конских волос, охвачен ошейником.

- Булат, скажи, как ты относишся к "металлическим" группам?

- Ну мне приходилось видеть пару фильмов об английских "металлических" группах, но...

- Это совсем не то! - радостно кричит металлист, торопясь представить себя, - я говорю про советское движение "металлистов". Мы носим цепи, потому что мы рабочие... Мы начали играть металлический рок гораздо раньше всех в мире!

- Нет, мне не приходилось слышать отечественного "металлического" рока...

Юноша медленно садится.

Ведущий, широко улыбаясь, благодарит Булата Жалвовича Окуджаву за выступление и тот под аплодисменты уходит. А ведущий сгоняет с лица улыбку и говорит:

- Дорогие друзья, я вижу, вы все любите музыку, ходите в дискотеку. Вы хотитие современно одеваться, ведь так?

Из зала в разнобой:

- Так!

- Но посмотрите, как это иногда кончается.

Зал недоуменно хихикает. На большом экране залу показывают допрос или скорее разговор с девушкой пятнадцати лет, учащейся ПТУ, домушницей.

- Маша, скажи, зачем тебе было нужно столько денег? Ведь только за последнюю неделю ты ограбила несколько квартир.

Маша сидит, сгорбившись, спрятав лицо.

- Мне нужны были деньги... Я хотела хорошо одеваться.

- Но почему ты ограбила столько квартир? Почему ты не пошла работать, не заработала деньги честно?

- Столько заработать нельзя... Если бы я пошла работать, меня бы все обсмеяли на дискотеке...

- Но разве можно грабить квартиры, добывать деньги так нечестно?

- Нельзя... Я даже хотела работать, но меня не брали еще... А если плохо одеваться, то с тобой никто и разговаривать не будет.

Экран гаснет. ведущий обращается к залу.

- У нас в гостях Олег, знакомый Маши по дискотеке. Встань, Олег!

Поднимается штурмовик лет пятнадцати.

- Скажи, Олег, ведь ты знал Машу?

- Да, встречались на дискотеке.

- Она хорошо одевалась?

- Да, современно одевалась.

- А ты хорошо одеваешся?

- Ну, я стараюсь современно одеваться.

Валере не кажеться, что Олег хорошо одет, ему кажеться, что ети надутые ватники, страшные брюки и сапоги должны стоить дешево, а последним криком моды Валера считает джинсы.

- Олег, а где ты достаешь деньги, чтобы хорошо одеваться? Ты ведь не работаешь.

- Ну, где все достают, стараюсь экономить...

- Ты оправдываешь Машу?

- Нет. Зачем? Грабить квартиры нельзя... Конечно нужно современно одеваться... Но нельзя квартиры грабить.

- А тебе нравилась Маша?

- Нет. Хоть она и стала модно одеваться, она мне не нравилась, у меня выше интеллектуальный уровень.

Ведущий, обрадованно:

- Вот! - внезапно подносит микрофон рядом сидящей молодой девушке лет семнадцати, - а как вы считаете, что важнее: интеллектуальный уровень или возможность хорошо одеваться? Девушка, застигнутая в расплох:

- Ну... конечно, одеваться надо современно...

Валере делается невтерпежь смотреть на всех этих сексапоильных девочек, он переключает молодежную передачу и вот тут-то все и начинается.

Дикторша:

- Дорогие товарищи! Сегодня мы начинаем показ нового многосерийного телевизионного фильма "ПАПУАС ИЗ ГОНДУРАСА", созданного кинематографистами на Неве.

Сказав это, дикторша долго молчит, победно улыбаясь, будто она сама создала этот фильм.

Потом долго показывают невыразительные титры. Многосерийный телевизионный фильм.

Валера встает и ищет по комнате штопор. Вдруг из телевизора урезывается такая разбойничья музыка, что Валера опрометью подбегает и жадно смотрит на экран.

Титр: По заказу государственного комитета по телевидению и радиовещанию СССР.

Валерия не интересуют титры, он продолжает искать штопор. Найдя, он делает свое дело и утирая губы садится на раскладушку.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ. ОСТРОВИТЯНИН.

"Сколько лет на Острове - и ни минуты
покоя! Нет, все-таки зря его не
сожрали дикари."
Ю.Нагибин

Стояла обычная для этих мест пасмурная погода. Ледяной ветер катил валы свинцового Средиземного моря на мрачный Лазурный берег. Моросил пронизывающий дождь.

Лорд Храм Хронь, расставив ноги, грозно стоял на террасе своего неприютного палаццо и, насупив брови, напряженно глядел на море. Как всегда, он считал волны.

К сожалению, почти каждому телезрителю ясна причина этого несколько парадоксального начала - сьемка проводится на берегу Финского Залива. Лорд Хронь смотрит прямо на томный силуэт Крондштата. Проплывают последние в сезоне теплоходы. Чайки, как черная бумага, клочьями носятся в воздухе.

Но Валерий не замечает этого, не будем же придераться и мы.

Лорд Хронь, насчитавшись досыта, надвинул поглубже треуголку и пошагал по лужам домой.

Камера скользит по белесым камням террасы, изеденными какой-то ржавчиной и мазутом.Звучит жуткая, настороженная музыка.

"Мы преклоняемся перед Гете именно
потому, что его произведения, хоть мы
и находим в них собранный вместе
разного рода хлам... представляет
собой объективно увиденную картину.
Д.Танидзаки

Раскошно обставленная столовая в палаццо Лорда Хроня. За большим овальным столом Лорд Храм Хронь с аппетитом хлебал суп жульен в сопровождении своей дочери, леди Элизабет Хронь, невзрачной провинциальной девицы тридцати лет, приживалки фрау Маргрет Моргенштерн, лютой особы, старого друга Питера Счахла.

Бедняга Питер, весь белый, субтильный, давно переступил последнюю стадию злокачкственного развития чахотки. При попытке что-нибудь сказать он находился в приступе мучительного кашля - топает ногами, рвет кружева на груди так, что золото сыплется с кружев, смахивает со стола шельфтский фаянс. По-этому у него за спиной стоял негр, который во время этих приступов крепко сжимал беднягу в своих стальных объятиях, не давая и пикнуть. Вообще негров в столовой довольно много - они попарно стояли у каждой двери голые по пояс, в сафъяновых сапожках, с какими то идиотскими тюрбанами на голове. У некоторых опахала.

Валера Марус откинулся на раскладушку и захохотал. Он представил себе, что и в его комнате день и ночь слоняется парочка голых по пояс негров - раскрывают перед ним двери в туалет или в кухню, отганяют комаров своими опахалами, ночью блестят своими выпуклыми глазами, похожими на глазунью.

Лорд Хронь, вычерпав ложкой весь суп жульен, отодвинул от себя тарелку, утер лоснящийся рот, вмазал локтем крупные брызги супа в скатерть.

Лакей в буклях принял тарелку, вопросительно заглядывая лорду в глаза. Тот в знак утверждения хлопнул в ладоши. Тотчас несколько негров, голых по пояс, внесли несколько бутылок портвейна и стаканы.

Питер Счахл, несколько оживившись, попытался сказать что-то, указывая на бутылку дрожащим перстом, но зашелся в приступе мучительного кашля. Он едва успел прижать к губам тонкий батистовый платок, как негр схватил его и сжал в своих маслянистых объятиях.

- Дай ты парню выпить спокойно, - пробормотал Лорд Хронь, раскупоривая бутылку...

Освободившись бедняга Питер посмотрел на платок и с горестным, укоризненным видом показал сотрапезникам: на платке виднелись алые пятнышки крови.

Леди Элизабет, славная девушка, посмотрела на платок с неподдельным волнением.

Фрау Маргрет Моргенштерн посмотрела как вурдалак.

Лакеи и негры зажгли свечи.

- Вот оно, шут его дери, - задумчиво сказал Лорд Хронь.

Делается заметно, что Лорд Хронь не является глубоко образованным и вообще интеллигентным человеком. Авторы желают придать фильму социально-критический оттенок. Ну, скажем прямо: образование Лорд Хронь получил в церковно-приходской школе, да и кончил только три класса, четвертый - корридор. В обществе, однако, он умел это скрыть, отчасти от своей малокоммуникабельности. Лорд придавал не слишком много значения тому, что в круг его интересов, весьма, правда, не широкий.

- Позволю себе напомнить, что наша трапеза прервала отчет капитана, - произнесла Фрау Маргрет в наступившей тишине. Фрау Маргрет когда говорит покачивает челюстями как акула.

Во вновь наступившей тишине слышно, как Лорд Хронь отхлебывает вино. Лакеи и негры с почтением взирают на него.

- Вбанги, позвать капитана! - мрачно изрекла Фрау Маргрет Моргенштерн.

- Я, Фрау! - кланяясь, ответил голый по пояс Вбанги и, подойдя к двери зычно крикнул.

Веселый капитан с почтительным полупоклоном вошел в столовую; машет шляпой, улыбается. Даже Фрау Маргрет чуть заметно улыбнулась ему, обнажив два мощных клыка, а у Леди Элизабет рот раскрылся до ушей.

Бедняга Счахл улыбался прекрасной предсмертной улыбкой: играйте, дети, вам жить, а мне помирать. Лорд Храм Хронь не обраттил на вошедшего особенного внимания: он держал бутылку над стаканом, экономно выжимая из нее последние капли.

Лакей в буклях принял у капитана шляпу постепенно отошел к толпе полуголых чернокожих.

Валера сильно зевнул и переключил телевизор на другую программу. Ему скучно, неинтересно. По другой программе медведи в юбочках медленно играют в хоккей с полуодетой красоткой. Валера некоторое время смотрел на этот чудовищный кошмар, но оператор фиксирует камеру на несчастных животных, а не на красотке и Валера, грязно выругавшись, снова переключает телевизор на "Папуаса из Гондураса", решив смотреть его до конца. Вообще говоря, механический зрительный корм, предлагаемый нам телевидением, как правило, представляет собой разлагающий душу бред, а значит, таковым надлежит быть и моему повествованию... ну, ладно, посмотрим.

- Как только судно приблизилось к неотмеченному на карте острову, - оживленно рассказывает веселый капитан. На экране показывают куски моря, суши и многое из того, о чем идет речь, - впечатление о его необитаемости резко рассеялось.

Там и сям виднелись следы разумной, или я бы скорее сказал, рукотворной деятельности. В разных направлениях остров перегораживали изгороди, заборы и частоколы, сооруженные без видимого назначения. На берегу, так же окруженном забором, стояло небольшое деревянное сооружение, напоминающее, мильпардон, леди, туалет - каковым оно в последствии и оказалось. Что все это обозначало? Зачем? Я достал подзорную трубу, тщательно осмотрел остров в поисках костра или дыма. Известно, что обитатели необитаемых островов постоянно утомляют себя разведением костров в надежде на то, что проплывающие мимо корабли обратят на них какое-нибудь особенное внимание.

Однако ни костра, ни дыма видно не было; тоесть дым был, но тот были огнедышащей горы, возвышающейся среди острова.

Подзорная труба сильно увеличила дикое впечатление от острова. Бесконечные ненужные изгороди пугали воображение - развлечение сумасшедших, а, может быть, кто-нибудь проделал этот каторжный труд чтобы убить время?

Когда я был готов принять решение поворачивать оглобли подобру-поздорову от греха подальше, ко мне подошел суперкарго и молча указал на лежащий в небольшом углублении странный предмет, напоминающий ящик, а скорее гроб... и благодарите Бога, сэр, что я все же решился подойти к этому безумному острову! - победно заявил сияющий капитан.

Лорд Хронь с обычным для него выражением спокойной глупости молча смотрел на капитана.

- К делу, капитан, к делу, короче! - металлическим голосом произнесла Фрау Маргрет.

- Извольте, государыня, извольте! Это предположение блистательно подтвердилось. Это был в самом деле гроб, в котором-то и лежал единственный обитатель этого острова.

- Дохлый? - осведомился Лорд Хронь.

- Самое гнетущее и торжественное в мрачной обстановке этого острова заключалось в том, что нет!

- Что "что нет"? - с нетерпением спросила Фрау Маргрет.

- Бедняга лежит в гробу заживо.

- Однако вы мне изрядно надоели, капитан, - устало объявила Фрау Маргрет, - Почему нельзя рассказать коротко, конкретно, без эмоций и по порядку?

- Я тогда вообще ничего рассказывать не буду.

- И без истерик. Ну, подошли вы к гробу...

- Я велел спустить на воду две отлично просмоленные шлюпки. В одну из них, нагруженную выше планшира, сел сам...

- Подошли вы к гробу, дальше!

- Бедняга лежал в гробу. Кто он такой? Зачем лежит здесь? Я заговорил с ним по английски, но он, казалось, не владел им. Он сурово и с горечью смотрел на меня, не шевелясь.

Тогда суперкарго заговорил с ним и по испански, и по французки, и по блатному - все было напрасно. Он молча, хмуро и выжидательно глядел на команду судна, скрючившись в своем гробу.

К вечеру он опился красным вином и умер, так и не проронив ни слова. Вот как немилосердна оказалась к несчастному судьба! Я как представлю себе, как он долгих двадцать лет мыкается по острову между своих изгородей, выходит на сине-оранжевый берег, вытягивая шею, ищет глазами корабей...

- Откуда вы взяли, что именно двадцать лет?

- Из дневника, дорогая Фрау Моргенштерн, из дневника - вот откуда! Несчастный вел дневник! К сожалению он так изъеден плеселью, что я мог понять только часть, но и этого было достаточно. Да, да, господа! Видит бог, вполне достаточно!

- Боже, действительно достаточно. С меня достаточно вашей болтовни, сэр!

Капитан, приосанившись, надул ноздри.

Неожиданно Лорд Хронь издал удовлетворительный возглас:

- Да, худо-бедно, а нажористый портвейн.

Некоторое время все смотрели на него выжидательно, но оказалось, что это и все, что он хотел сказать.

- А мне, Фрау Маргрет, так интересно показалось... - нерешительно сказала Леди Элизабет.

- А показалось, так перекрестись! - вступил в разговор Лорд Хронь. Он сделался оживлен и добродушен.

Питер Счахл с горечью посмотрел на него и зашелся в приступе мучительного кашля. Откашлявшись в платок, он посмотрел на него и молча, укоризненно продемонстрировал: на платке алели пятнышки крови.

- Продолжайте, капитан, - сказала Фрау Маргрет, несколько облагороженная этим зрелищем, - не будем горячиться, но и переливать из пустого в порожнее не будем, ведь у нас всех есть свои дела - у вас свои, у меня - свои, у Лорда Хроня - ...

Лорд Хронь молча занялся своим делом и капитан продолжает:

- Много лет назад буря выбросила на берег одинокого отшельника. Время не пощадило беднягу, однако сохранило часть его трагического наследия, изъеденного, как я уже упомянул, плесенью.

Не буду говорить о мытарствах и невзгодах, связанных с непослушанием родителям, испытанных беднягой с момента рождения до роковой случайности, оборвавшей цивилизованный период жизни горемыки. Да, собственно, и про жизнь на острове что говорить долго?

Двадцать лет шлындал он по острову, то впадал в свойственное меланхоликам нетерпение, то принимался неторопливо налаживать свой быт.

Почти каждая запись его дневника начинается фразой "тщательно все обдумав". Это постоянное "тщательно все обдумав", касающееся вещей очевидных, могло бы вызвать улыбку, но осторожность бедняги, так наказанного судьбой, понятна, простительна и трогательна.

Уже устраненная опасность неизменно вызывает у него ужас - после единственного землетрясения несчастный так и не решился залезть в пещеру за своими нехитрыми пожитками. Искупаться в море он боялся из страха перед бурями, отливами и морскими чудовищами. Лодкой, имеющейся у него, он не пользовался ни разу. На огнедышащую гору он и посмотреть боялся, и, уж конечно, ни разу к ней не подходил.

Вот, например, одно из писем:

"С утра грянул сильный гром. Упав, в испуге, пролежал два дня без движения."

- А почему вы нашли его лежащим в гробу?

- В последние, наиболее тягостные годы одиночества, несчастный все чаще сетовал на то, что, мол, "некому меня несчастного похоронить". Полгода напряженного труда ушло на постройку гроба, после чего бедняга задался вопросом: кто же его туда положит после смерти? Дневник последних лет пестрил записями типа:

"8 октября.

Весь день лежал в гробу, но смерть не идет."

Несчастный сосредоточился на похоронной теме настолько, что некоторые записи я склонен приписать его расстроенному воображению. Например:

"10 мая.

У меня на острове родилось три сына..."

- Как? - вскричал Питер Счахл, мучительно закашлявшись.

Капитан строго взглянул на Питера и продолжил:

" ...три сына, три здоровых молодца - первого я назвал Не Кит, а Кот; второго Не Кот, а Кит; третьего - И Кот и Кит. Но рано я радовался, все равно некому будет меня схоронить - всех троих кау-кау" антропофаги-антропософы."

- Что такое кау-кау"?

- Кау-кау" по туземскому - сожрали.

- Судя по именам, это были сыновья от туземки?

- Фрау, в дневнике больше ни слова, проливающего свет на этих странных сыновей. Нет ничего и про антропофагов-антропософов. Конечно, несчастный очень боялся туземцев и, защищаясь от них перегородил весь остров, но ни разу он не упоминает о том, что кого либо видел, за исключением странной записи:

"26 мая.

Боже, как мне надоела эта пьяная матросня!"

Судя по этим словам можно предположить, что остров все же посетило по крайней мере одно цивилизованное судно. Но вы же знаете нравы матросов нашего торгового флота: высадившись на берег, все страшно перепиваются и общение с островитянами, в том числе с обитателями необитаемых островов, сводится к выяснению вопроса о том, где достать бражки или самогону. К мольбам о помощи они совершенно глухи и более чем вероятно, что на просбы они отвечали пъяным гоготом и пожеланиями "сидеть, где сидишь", "не рыпаться" и т.д.

Следующая запись поражает своей безисходностью:

"27 мая.

Господи! Опять никого-никого! Хоть бы инопланетяне какие пожаловали. Я настолько одичал и опустился, что сегодня, выйдя из дома, не застегнул штаны..."

При зтих словах Фрау Моргенштерн бросает выразительный взгляд на Лорда Хроня. Однако, Лорд, убаюканный речью капитана, уже давно прижал уши и спокойно уснул.

" ...Так я дойду до того, что буду купаться голым и мочиться под кусты!"

Надо сказать, что туалет был первой постройкой островитянина по прибытии на необитаемый остров. Тогда он был полон сил, замыслов. Записи отличались крадкостью. Вот одна из первых записей:

"Январь - июль.

Строил надежный туалет. Тщательно все обдумав, начал пока одно очко."

- Все это бесконечно поучительно, капитан, но неужели весь ваш доклад будет носить общеобразовательный харрактер? Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что Лорд Хронь не может, просто не имеет права отдавать столько времени выслушиванию бесплодных басенок?

- Сейчас вы убедитесь, Фрау, что мой доклад имеет исключительно прикладное значение. Перехожу к главному.

Много лет назад буря разбила об остров несчастного островитянина еще один корабль, то есть сам корабль остался совершенно целым и был скромным подарком судьбы злополучному отшельнику, но вес его экипаж до последнего человека разбился и утонул. Цитирую дневник:

"Тщательно все обдумав, я вошел в каюту, которая по всем признакам принадлежала капитану

- об этом свидетельствовало ее убранство и богатство отделки.

На стенах висело несколько картин в богатых золотых рамах. Одна из них, кисти Феофана Грека, изображала обнаженную нимфу и сатиров. Судя по всему, картины стоили дорого, но я с горечью подумал, что мне, в моем положении, их все равно ни кому не продать, а, стало быть, они являются для меня бесполезным хламом. На шифоньере красного дерева, который я впоследствии перетащил в пещеру, стояло несколько книг на незнакомом языке, по-видимому на португальском. Тщателно все обдумав я прихватил и их с собой, надеясь со временем изучить язык. Забегая вперед должен признаться, что сколько бы раз в последствии я не брался за книги, понять язык так и не смог. Таким образом, единственной книгой на английском языке у меня была Библия, но читать ее было недосуг.

Открыв шифоньер, я прежде всего увидел полудюжину рубах тонкого голландского полотна, которые впоследствии мне очень пригодились, и поставец с дюжиной бутылок хорошего портвейна, который мне немедленно очень пригодился. Еще в шифоньере лежал большой мешок с золотыми монетами - соверенами, дублонами, дукатами и ореалами. "Бесполезный хлам! - с горечью подумалось мне, - я отдал бы тебя весь за бутылку." Однако, тщательно все обдумав, я прихватил эти деньги с собой."

- Любопытно бы узнать, где они? - быстро спросила Фрау Моргенштерн.

- Терпение, Фрау, терпение! Терпение, терпение, терпение и еще раз терпение.

"В глубине шифоньера стоял небольшой ящик, взломав который я лишился дара речи: в нем лежал знаменитый алмаз Карбонадо."

- Где же он, - обретя дар речи, вскрикнула Фрау Маргрет.

Лорд Хронь, вздрогнув, испуганно смотрит на присудствующих. У Леди Элизабет отвисает нижняя челюсть до ключиц, а бедняга Питер Счахл заходится в приступе мучительного кашля.

Через минуту восстанавливается почтительная тишина и капитан торжественно продолжил:

"Да! Мои глаза не обманывали меня: передо мной лежал знаменитый алмаз Карбонадо! Алмаз ослепил меня своей величиной и блеском, я едва мог удержать его в одной руке.

"Боже мой! - с горечью подумал я, - и подумать только, что этот алмаз, поисками которого занят весь цивилизованный мир, достался мне, для которого он является бесполезным хламом! Карбонадо! Алмаз, оцененный в свое время в пятьсот золотых мараведи, лежал в моей руке!"

- Чего-чего? Что за... мандула? - осведомился Лорд Хронь.

- Мараведи. Такая большая денежная единица.

- Это сколько будет рублей?

- Сколько, сколько... Пятьсот! Золотых! Мараведи...

- Мараведи... - страстно прошептала Фрау Моргенштерн.

"Тщательно все обдумав, - продолжает читать капитан, - я решил прихватить алмаз с собой и закопать в надежном месте с деньгами."

- Так где же он сейчас? - тревожно спросила Фрау Маргрет.

- Закопан в надежном месте, Фрау, - спокойно ответил капитан отведя глаза от рукописи.

- Вы не откопали его из надежного места?

- Бедняга испустил дух, не открыв нам тайны. Целый месяц команда судна вскапывала и перелопачивала остров, но ни какого надежного места мы не обнакужили. Понадобяться усилия большой группы людей. На мой взгляд было бы целесообразно привлечь к такому делу негров. И так, я продолжаю:

"Ящик, в котором хранится алмаз, заключал в себе еще и объемистую рукопись, представляющую собой, так сказать, биографию алмаза начиная с его появления на рынке, что случилось во Флоренции в XVI веке..."

Звучит жуткая тревожная итальянская лютневая музыка и застывший в значительной позе капитан заслоняется титрами:

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЫСОКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

"Люди, пришедшие на смену великой эпохе
средневековья, были настолько низки,
что отказали ей в названии культуры."

Г.К.Честертон

"Возрожденческое мирочувствование
помещает человека в онтологическую
пустоту, тем самым обрекает его на
пассивность, и в этой пассивности -
образ мира, равно как и сам человек,
рассыпается на взаимоисключающие точки
- мгновения."
П.Флоренский

На следующий день совершенно трезвый и злой Валера Марус, сделав коммунальную уборку, включил телевизор аккурат перед началом "Папуаса из Гондураса".

...

На экране прекрасная Италия в конце периода высокого возрождения. Кубы золотых на закате крепостей виднеются на отдельных холмах. Между желтых хлебов по дороге скачут два всадника в черном:

- Чем более жажду я покоя, тем дальше он бежит от меня. Вот и ныне предпринял я путь во Флоренцию в надежде отдохнуть от скотства всех скотов и хуже чем скотов, обивающих порог моего повелителя, а пуще всего этой старой неграмотной скотины Пуанароти, непристанно клянчащего у пресветлого моего покровителя деньги за свои корявые поделки - так что мне иной раз неперепадала и десятина эскудо! Так же я должен был скрыться из Рима из-за одного поганого Ярыги, рыскающего за мной с компанией таких же как он бандитов за то, что я очистил Рим от одного шалопая - братца выше упомянутого поганого Ярыги.

И вот я, распеленав шпагу, с деньгами при себе, выехал ночью во Флоренцию со своим отличным слугой Джулианом, добрым и очень набожым, как и я малым, только весьма охочим до чужих женушек и страшным забиякой - так, что случалось ему за день ухлопать двоих, а то и пятерых - и все по разным поводам.

Имея спутником такого хорошего малого, я и не заметил, как скоротал дорогу до Флоренции за веселыми рассказами моего слуги, лучше которого и свет не знал.

По приезду я не мешкая отправился к великому герцогу Козимо, покровительствующего всем художникам, и если уж такой проходимец как Челлини при его дворе катается как сыр в масле, сколько ж больше почестей должно полагаться мне?

Обратившись к герцогу с этой и ей подобными речами, я его весьма к себе склонил и он попросил немедля показать образцы моего искусства. Я, недовольный, возразил что их у меня покуда нет, но как только он представит деньги, мастерские и место, где приложить силы, как то, например, расписать что-нибудь, я немедля явлю ему все свое немалое мастерство.

Пока обескураженный герцог размышлял, я непереставая хулил его прихлебателей - Челлини и Бандинелли, за здорово живешь получающих до двухсот и более скудо жалования, не считая выклянченного сверх того.

- Удивляюсь только, - в завершении произнес я, - почему один из этих двух отирал не ухлопал до сего дня другого, или "не замочил", как публика такого рода изъясняется. Вот уж, воистину получилось бы как по писанному: "Один гад пожрал другую гадину". Ведь Бенвенуто за свою поножовщину давно заслужил веревку на шею.

Герчог взял тогда в руку чашу работы незванного Бенвенуто Челлини и сказал:

- Да, у Челлини было много неприятностей и в Риме и в Милане, да и во Флоренции... Но уще ли твой вкус так высок, что эту чашу уж и не назовешь работой мастера!

Снисходительно взглянув на чашу, я, клянусь, так ответил:

- Государь мой, Бенвенуто бесспорно, мастер первостатейный, но только в одном - деньги выколачивать!

Дивясь моим справедливым словам, герцог Медичи отвел мне и помещение и сто скудо в задаток работы.

Я между тем уже и придумал, как прославить свое имя, надо сказать скотской Флоренции. В капелле Барди стены расписаны живописцем Джотто Бондоне, чему уже больше двух веков. Работа эта по причине тупости нравов славная, ныне смеха даже не достойна: фигуры как чурбаны, мрачные, как скоты, тухлые цветом.

Так вот, задумал я эти фрезки переписать заново, неизмеримо лучшим манером.

Для того наняв натурщицу, приступил я к рисованию картонов, чтобы показать и их герцогу, склонив его к переписанию названной капеллы по-моему, в чем виден резон каждому скоту.

На первом картоне я стал изображать святую Терезу, и так, чтобы моя работа ни в чем не походила на работу этой скотины Джотти. Я рисовал святую Терезу с моей весьма не дурной собой натурщицы - дамы стройной, цветущей, с блестящими глазами, распущенными волосами, в полупрозрачных одеждах, едва прикрывающих голые персы.

Работа у меня пошла было медленно, так как я здоров и очень хорош собой, и природа моя все время требует своего. Понятно, что я стал принуждать натурщицу удовлетворить моб природную надобность. Но вместо того, чтобы принять это за великую для себя честь, мерзавка так стала орать и сопротивляться, что я склонил ее к плотским утехам с великим трудом. От этого скотского сопротивления я делался взлохмочен и обессилен, и работа пошла через пень-колоду, так что герцог уж устал справляться о картонах через моего мерзавца Мажордома.

На беду пропал мой слуга Джулиано, прежде посильно помогавший мне в работе, и в обуздании строптивых натурщиц; наверное славного малого исподтишка пырнул ножом какой нибудь рогоносец-муж, потому что в честном бою мой слуга легко мог проткнуть любого увальня обывателя.

Приключилась со мной и другая беда. Как то вечером, когда я возвращался от герцога, у которого просил денег для продолжения работы, ко мне подошел какого-то скотского вида старикашка и спросил, не я ли тот прославленный живописец, что прибыл из Рима в эту богом забытую Флоренцию. Приостановясь, я подтвердил это, как вдруг этот засранец начал что-то брехать и балаболить голоском, из чего я понял что он отец моей строптивой натурщицы.

Я велел ему проваливать своей дорогой, но старикашка, совсем зайдясь, думая меня таким образом разжалобить, стал брызгать слюной и плакать крокодиловым плачем. Я, посмеявшись, потрепал его по плечу и предложил ему скудо, но негодяй только пуще взъярился и стал грозить "праведным отмщением".

Я было рассмеялся, представив себе, как этот старикан своими паучьими руками бьется со мной на шпагах, но затем сообразил, что у этого негодяя хватит злости нанять какого-нибудь бандита или подсыпать мне толченого алмаза через свою мерзавку-дочь.

Поэтому, так как улица была совершенно пуста, мне ни чего не оставалось делать, как выхватить кинжал и ударить старого пройдоху два-три раза. Он захрипел и свалился в канаву, а я, закутавшись в плащ, горько скорбя, что негодяй-старикашка вынудил все-таки меня взять грех на душу своими угрозами.

Однако, как не трудно было мне, картон продвигался, святая Тереза была уже как живая, хотя моя мерзавка-натурщица вовсе не могла принять тот лукавый и прелестный вид, в котором я изображал святую Терезу, а напротив, голосила и обливалась слезами; ублажать свою плоть с ней иной раз было неприятно.

В тот день, когда я закончил картон и с облегчением выгнал мерзавку прочь, герцог в нетерпении сам явился в мастерскую, и когда увидел этот мой законченный картон, тотчас развеселился донельзя. Я, чувствуя, что железо горячо, стал справедливо поносными словами говорить о прихлебателе Бенвенуто - седомите, сравнивая его убогие поделки со своим картоном - а ведь на стене фреска получится в пятьдесят раз лучше!

Герцог принужден был солласиться со мной, сказав, что моя работа действительно выше всяких похвал, и он никогда не помышлял ни очем подобном; затем он в моем присудствии приказал мажордому завтра же начинать работы по грунтовке стен в капелле Барди.

Я, весьма довольный, остался размышлять об искусстве, велел слуге принести мне вина и еды, но не успев я закончить трапезу, как слуга доложил, что меня хочет видеть капеллан названной капеллы Барди. Понимая естественное желание этого человека скоро увидеть картон, который вскоре, переписанный на стену, будет украшать капеллу, я велел впустить его.

Капеллан вошел, едва пролепетав приветствие, и сразу впился глазами в картон. Я, будучи в отличном расположении духа, на живом примере пояснил ему различие между мазней средневекового богомаза и ярким, истинным искусством нового времени. Тогда этот скотина ответил мне, что моя святая тереза вызывает только соблазнительные мысли, а фрески Джотто переполняют скорбной твердостью и вызывают очистительный полет духа.

К сожалению, вместо того, чтобы приказать вытолкать взашей эту безграмотную и невежественную скотину, убедившись, что разговаривать с ним не о чем, я снизошел до разговора.

Я сказал, что видно он ни ухом ни рылом не смыслит в искусстве, раз не знает цену дедовским приемчикам своего мазилки, который и перспективы-то не понимал. Даже Вазари в своих, впрочем довольно скотских жизнеописаниях художника прошлого, ничего не мог о Джотто сообщить интересного, чем то, что однажды, выйдя на прогулку, этот мазилка был сбит с ног свиньей, чем всех весьма развеселил.

Но Капеллан меня не слушал вовсе, все спрашивал, ужели правда, что герцог разрешил раскрасить фрески Джотто. Поняв, что это так и есть, этот окончательно оскотинившийся скот стал умолять меня отказаться от замысла, стал хватать меня за одежду и яриться.

Я раз и другой пригрозился расквасить ему морду и дал ему хорошего тумака, а этот скот, тупой, как мужик из Прато, сам вздумал толкать меня, и бросился к картону, как бы желая попортить. Я опередил его и с силой толкнул оземь. Но видно верно говорят: бъушь не по уговору. Я только хотел оттолкнуть этого говнюка, но он хлопнулся башкой прямо о каменный пол, и, сколько я его не пинал, не шевелился.

Я плюнул и скорей поскакал к герцогу, чтобы не быть опереженным какими нибудь отиралами, так и рыщущими, чтобы оклеветать меня.

Нечего скрывать, к герцогу я вошел запыхавшись, весь в пыли. Нетерпение так и билось во мне.

Герцог спросил, чем объясняется мой столь поспешный визит - уж не приехал ли я вновь просить денег?

Я горячо подтвердил это предложение и замолчал, не зная как приступить к описанию нелепого происшествия, случившегося со мной.

Герцог рассеяно вертел в руке алмаз такого громадного размера, что его скорее можно было принять за большой обломок льда.

- Взгляни, кстати, - промолвил он, любуясь алмазом, - видел ли ты что-нибудь подобное? "Карбонадо" - вот как я решил назвать его.

- Имя пристало иметь бриллианту, но не алмазу. Чтобы полностью проявилось достоинство камня, его, прежде чем называть нужно обработать.

- Да, разумеется. Бенвенутто завтра же займется этим.

Я промолчал, сневыразимой горечью глядя на герцога. Он посмотрел на меня и, видимо, понял.

- Но ведь, сколько я знаю о тебе, ты не прославлен огранкой камней, а Бенвенутто признанный мастер.

- Мастер? - в справедливом гневе вскричал я, - Как, как вы сказали? Мастер? О, сколько выиграло бы искусство и весь род людской, если бы этот мастер ничем, кроме поножовщины не занимался! Легко же ныне стало называться мастером, если уж и Челлини так величают! Но бывают моменты, - нахмурив брови продолжал я, - следует проявить высокий вкус и вспомнить, что этот Карбонадо, как вы его назвали, чуть не попал в руки Бенвенуто.

Я ощущал себя бесконечно правым и речь моя лилась свободно и убедительно. Глаза герцога увлажнились; не говоря ни слова, он поймал мою руку и вложил в нее алмаз.

- Сколько времени тебе понадобиться на работу?

- Три дня, мой государь!

- Иди же и не мешкай. В инструментах, полагаю, у тебя недостатка нет, а деньги ты получишь сполна по окончании работы.

Несколько раздосадованный последней фразой герцога, я вышел в глубокой задумчивости.

Вот так и получается, что чем больше жажду покоя, тем дальше оно от меня бежит.

События жизни замесились так круто, заплелись в такой узел, что распутать их можно было только одним способом, уже не раз испытанным мною - рубануть и все разорвать.

Речь моя перед герцогом была вполне искренна - уж что-что, а алмаз я смогу обработать лучше, чем Челлини, было бесспорно, а стало быть, искусство не осталось бы в накладе, что главное, ибо жизнь коротка, а искусство вечно.

В выигрыше, можно сказать, будет и герцог - ведь ему останется мой картон с изображением святой Терезы, вероятно не менее ценной, чем Карбонадо...

Звучит лютневая музыка и фигура в плаще исчезает в черноте улиц Флоренции. Титр:

КОНЕЦ ВТОРОЙ СЕРИИ

Любопытно, что Валера Марус связан с алмазами покрепче, чем персонажи телефильма, он ведь умрет из-за алмазов. Поэтому даже ничтожных исторических познаний Валеры случайно хватило, уловить анахронизм в изображаемых событиях. Слыхом не слыхивая о знаменитых ювелирах Ренессанса, он тем не менее знает, что само слово "бриллиант" появилось только в конце **XVII** века, а до этого обрабатывать алмазы не умели, что Валера знал, лщгда ходил на курсы повышения квалификации заточников, желая сдать на пятый разряд. Это был один из периодов его жизни, когда он твердо начинал новую жизнь: купил брюки, тетрадку, шариковую ручку и записал что успел из вводной лекции - вот именно о бриллиантах. Потом он записывал еще меньше и потом уже ничего не записывал, да так и перестал ходить, поняв, что на пятый разряд сдавать лучше не пробовать, а то и четвертого лишат. А теперь уже поздно, да и что сдавать на пятый разряд теперь? Валере скоро сорок лет, а до пенсии дожить не надеется, потому что такая вредная специальность - алмазный заточник. На работе все вроде хорошо и чисто - занавесочки, цветочки, а на самом деле невидимая алмазная пыль копится и они каменеют.

Недавно Валере делали операцию на легких и хирург потом ругал его за то, что то его легких все скальпели теперь в зазубринах.

Алмазному заточнику полагается работать сорок минут, потом на двадцать минут покидать помещение, а куда идти, на улице стоять? Валера остается на месте - курит или кемарит, а иногда идет в котельную к приятелю Ивану, но в котельной всегда так пахнет газом, что Валера за двадцать минут начинает задыхаться.

Валера достал из платяного шкафа сохранившуюся от курсов повышения квалификации тетрадку и стал разгдядывать грубые, прилежные строки, ему сделалось очень тяжело, кажеться, что лучше и не жить больше. Он резко выключает телевизор, бубнящий про нефтепроводы, подходит к окну - там снег, темно, идти некуда.

Валера понимает, что брага, которую он поставил, будет готова только через три, но, конечно, там уже сейчас есть кой-какие градусы. И ему делается легче.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СМЕРТЬ НЕЗНАКОМОГО ДЖЕНТЕЛЬМЕНА

Только на третий день после этого Валера вновь включает телевизор. То есть Валеры небыло дома, а там, куда он ходил в гости, даже телевизора небыло. А может был, но Валера не помнит ничего.

На экране та же столовая в палаццо Лорда Хроня. Хоть спектакль ставь по этому авантюрному телефильму. В столовой все те же и двое новых, видимо представленных зрителям в предыдущей серии. Только веселого Капитана нет - может его ликвидировали за осведомленность?

Персонаж Джон Виторган, поверенный Лорда Хроня в делах, с лицом, резким, как топор, с трудом подавляет раздражение:

- Видит Бог, Лорд, я не понимаю, зачем нам нужно посвящать в цель экспидиции хоть когонибудь?

- Черт меня подери! - взорвался весь красный Мак-Дункель, напыжившись в своем отделанном костюме, - тысяча чертей! Он не понимает! Он не понимает, что без вождя шотландец не воин!

Мак-Дункель слегка картавит и у него чертыхаться получается как-то не страшно:"Чорт меня подери!".

- Видит Бог, функции лидера вполне может взять на себя сам Лорд Хронь, - со спокойным, благородным раздражением ответил Виторган, двигая жевалками на скулах.

- Лорд Хронь будет неформальным лидером экспидиции, - устало сказала Фрау Маргрет Фон Моргенштерн, - но необходим и формальный.

- А, чтоб меня черти побрали! Тысяча чертей! Тысяча диких кабанов! Какой еще, к чертям собачьим, неформальный лидер? - с лютым бешенством закричал на Фрау Маргрет Мак-Дункель.

- Ну ты и ярыга, видит Бог, - спокойно сказал ему Виторган, - что ты ореш на всех? Ты-то чего хотел?

- Я, я, черт меня подери? Тысяча чертей! Тысяча залпов мне в задницу! Я хочу, чтобы вы все, черт вас разорви, заткнули свои пасти и слушали меня!

- Ну, говори, мы тебя слушаем, видит Бог.

Мак-Дункель, немного порычав и похрипев, стукнул по столу и сказал:

- Нам нужно, черт вас побери, чтоб всех разорвало... то есть, черт возми, я говорю, чтоб тысяча чертей, тысяча залпов вам в задницу... Черт! - сбившись с мысли он грохнул кулаком по столу.

- Если бы вы, сэр, поменьше чертыхались, вам бы удалось более связно изложить свои соображения, - заметила Фрау Моргенштерн.

- А? Черт! Учить меня, куропатка, вздумала? "Если бы, да кабы"? Накоси, выкуси, чтоб у тебя повылазило! Морген Фри - нос утри! Молчи, пока зубы торчат! Слушай все! Нам нужно Мак-драммондов... Да, черт! Нам нужно пустить гонцов по всей горной Шотландии и созвать всех Мак-драммондов и чтобы собрались все О'Брайены, О'Паньки, распустили знамена и с грозными песнями спустились с горы, чтобы за ними ехали поэты вроде О'Хапкина и воспевали их, чтобы, черт побери, они шли, свирепо печатая шаг, по равнине, выжигая каменным железом гнезда вигамудов, чтоб, черт побери... - в восторге вдохновения Мак-Дункель стукнул кулаком по столу с такой силой, что у Лрода Хроня из тарелки выплеснулся весь суп жульен.

- Все это очень поучительно, сэр, - горько сказала Фрау Маргрет, - но намечаемая вами резня в кланах горной Шотландии не поможет вам в поисках алмаза.

- Да, вернемся к вопросу об экспидиции к острову, - по-деловому начал Виторган.

- Давайте пригласим главным Джакоба Кулакина, - неожиданно для всех сказала славная, но молчаливая и некрасивая леди Елизабет Хронь.

Все недоуменно оглянулись на нее, прикидывая свои изображения. В наступившей тишине было слышно только, как Лорд Хронь, с аппетитом чавкая, хлебает суп жульен.

- Влюбилась? - истончила Фрау Моргенштерн, сузив глаза.

Славная девушка зарделась как маковый цвет.

- Это что-ж за Кулакин такой, черт, чтоб его взяли и разобрали! Это не из Ньюгейтских ли Кулагиных?

- Это он. Он тут околачивался, - произнес Виторган, двигая жевалками. - Знаю этого, видит Бог, малого. Из хорошей семьи, но глуп как папуас.

- Джакоб очень умный! - горячо сказала славная девушка. Изнывая, она искала нужных доводов, - скромный... Он настоящий оргонафт!

- Что, здорово зашибает? - сочувственно спросил Лорд Хронь, прерывая трапезу.

- Сэр, - с раздражением процедил Виторган, - термин "аргонафт" не имеет настолько прямого отношения к термину "алкоголик", как это вам представляется.

- Ты дело говори, а не учи ученого!

- Батюшка, да он в рот не берет! - вступилась леди Елизабет.

Лорд Хронь разочарованно пошамкал губами.

- Э-э-э... вздор! Такой как Кулакин? - спохватилась Фрау Моргенштерн. - Поговорим серьезно и закончим это дело. У меня на примете подходящий человек - Монтахью Мак-Кормик.

- Лысый Монтахью? Да ведь это настоящий разбойник, - спокойно ответил Виторган.

- Зато... замечательные внешние данные, - как-то странно возразила Фрау Маргрет.

- Причем здесь внешние данные? И какие у него такие внешние данные? Рожа рябая, лысый.

- С лица не воду пить, - быстро парирует Фрау Маргрет.

- Ну, видит Бог, это единственный довод. Этот Монтахью такого пошива молодец, что его не то что за алмазом, а за бутылкой послать нельзя.

- Что-ж, тогда я предлагаю кандидатуру Джона Глэбба.

- Стой, черт подрал! Джон Глэбб? Разве он из Шотландии? Что-то не помню такого, сто залпов ему в задницу!

- Очередной бандит с большой дороги, - двигая жевалками, желчно сказал Виторган, - ни какой он не шотландец, а американец. И даже не американец, а немец, а точнее грузин.

Фрау Маргрет фон Моргенштерн гневно сверкает глазами. Виторган продолжает что-то раздраженно бубнить, а камера телеоператора неожиданно переносится на чердак палаццо Лорда Хроня, где на полу, приложив ухо к щели, лежит лысый Монтахью. Поскольку зритель с ним не знаком, на экране так и написано: Лысый Монтахью Мак-Кормик.

Щель в потолке в столовой, и, соответственно, полу чердака мала и Монтахью плохо слышно и почти ни чего не видно. Он достал нож и начал расширять яростно щель. С потолка отделился пласт штукатурки и упал прямо в тарелку Лорда Хроня.

В соответствии с лучшими традициями комедийного жанра весь суп Жульен брызгнул в лицо и без того постоянно взбешенного Мак-Дункеля.

Мак-Дункель сидит совершенно неподвижно, плотно сжав зубы и закрыв глаза. Что с ним сейчас происходит? Незнаю. Ну ладно.

Лорд Хронь рукой вытащил из тарелки кусок штукатурки и положил его на скатерть. Подумав, взял его и бросил на скатерть.

- Как там бишь, алканафта твоего? - обратился он к дочери.

- Кулакин, батюшка, Джакобб Кулакин!

Фрау маргрет, высморкавшись, встала и вышла из столовой, взяв у полуголого негра факел.

Под жудкую музыку идет по лестнице - навстречу ей блестят желтые зубы, нож и лысый Монтахью.

- Тебе не холодно на чердаке? - заботливо спросила Фрау Маргрет, ежась от ветра, дующего вниз по черной, сырой лестнице.

- Ах, ты... - забывшись в полный голос закричал лысый Монтахью и она торопливо положила руку к его еще рычавшей пасти.

Он стал что-то торопливо шептать ей, выразительно сжимая кулаки; она слушала его, клацая зубами и покачивая челюстями, как акула.

Через некоторое время Фрау Моргенштерн стала прислушиваться к чему-то внизу и затем приподняв подол, сбежала по лестнице, громко стуча каблуками.

Внезапно сверху послышались другие шаги и перед Монтахью предстал пожилой - лет сорока восьми - мужчина среднего роста, неброско, но со вкусом одетый в темно-синий камзол с длинными манжетами, высокие морские сапоги с опущенными изящными отворотами, черно-серый плащ, гармонирующий с камзолом. Приглушенной белизны парик венчал чело незнакомца (треугольную шляпу он учтиво держал в руке). Незнакомый джентельмен имел несколько грузное, но умное лицо, проницательные грустные глаза и решительный, но скорбно сжатый рот.

Лысый Монтахью выхватил из широкого накладного кармана револьвер и в упор выстрелил - незнакомый джентельмен, ни проронив ни звука, замертво упал и покатился по лестнице, так и не успев сделаться персонажем фильма.

Да, сэр, да! Таковы жестокие законы реализма - в каком-нибудь поверхностном повествовании с героем ничего, ничего-ничегошеньки смертельного до самого конца не случится. А я вынужден расстаться с этим, может быть самым любимым, тщательно продуманным персонажем сразу, хоть бы дальше пошло все через пен-колоду.

Да, правильно сказанно: телефильм - это отражение действительности в художественных образах.

Нет, даже: телефильм - это прямое отражение окружающей нас действительности в высокохудожественных образах.

И даже гораздо круче.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

"Вера в индии языческая. Индийцы веруют
в солнце, месяц, звезды, в коров, в
болванов и во всякую гадину."

/Российского унтер-офицера
Ефрамова, а ныне коллежского
асессора, странствия и
приключения./

"До них наконец дошло, что путешествие
опаснее, чем они воображали, и даже
если они преодолеют все трудности, в
конце пути их ждет дракон."
Д.Р.Р.Толкин

"- Что это, Бэрримор?
- Это дабб, с-с-сэр..."
Б.Гребенщиков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭТО ДАББ, С-С-СЭР...

"Ровным ветром дышит океан. А за ним -
диковинные страны. И никто не видел
этих стран..."
А.Макаревич

"Я, как вы успели заметить, люблю,
чтобы страницы моих книг были до отказа
заполнены событиями, и за ваши деньги
выдаю их вам не скупясь."
У.Таккерей

Тут ударил страшный мороз. Газеты с вполне идиотским энтузиазмом информировали, что "январь разгулялся!", "вото так морозец, - радостно сообщал синоптик, - давно европейская часть СССР не видела такого мороза".

Видимо воодушевление объяснялось тем, что надеялись на рекорд - на самую холодную зиму за столько-то лет. И рекорды весьма встречались. "Самая низкая температура, абсолютный минимум для данных мест зафиксирован сегодня в Курске, Орле, Воронеже" - говорил по всем трем программам синоптик, надменный от сознания значительности своей профессии.

Люди ошалели от холода, особенно выигрышного от того, что транспорт на половину встал и до работы нужно было добираться часами.

Чтобы население не грелось от электрических приборов и нагревателей, электричество в нерабочие часы отключали - пять минут погорит свет и на полчаса отключали, и на час.

Валера Марус, как и весь рабочий люд, восстанавливал свою рабочую силу во тьме и холоде, не жрамши, перебиваясь пятиминутками.

Он лежал на раскладушке, одетый как на улице, только без ботинок, накрывшись одеялом. Одеяло было уже сплошь покрыто розовыми пятнами от браги, которую Валера делал из томатной пасты - трудно пить из трехлитровой банки ледяную жидкость лежа, дрожа от холода, при свете новогодней свечи.

Иногда в комнате вспыхивал свет, всхрапывал холодильник и, как внезапный взрыв хорошей, настоящей жизни, оживали звуки и образы чудо-машины - телевизора.

... проезжая мимо домиков, Джакоб Кулакин тихонько приподнял занавеску и выглянул из кэба. Мрамалад стоял у калитки, подпирая забор. Это было знаком того, что все благополучно.

Титр на экране: Мрамалад - арап, друг степей и пустынь.

Джакоб осторожно приоткрыл дверцу, выскочил из кэба и опрометью пробежал улицу, не обращая внимания на свист бича, гневный крик кэбмена. Сбив с ног спешившего прохожего, Кулакин перемахнул через забор.

Мрамалад Внимательно оглядел улицу, подождал пока чертыхающийся прохожий отправится восвояси и вошел через калитку во двор.

Джакоб стоял в саду и смотрел в щель забора.

- Никого? - задыхаясь спросил он у Мрамалада.

Арап, друг степей и пустынь, могучей рукой поскреб затылок.

- Да кому-же там быть, сэр? Нет никого.

- Молчи, дурак! - громким шепотом вскрикнул Джакоб и испуганно впился глазами в щель.

Но тут свет гаснет, телевизор издает стон и последнюю брызгу света. Спокойно стоит холодильник, который, впрочем, по такой-то погоде можно было и не включать. Из достижений цивилизации, с такими жертвами рожденной и поддерживаемой, валере остается только первобытный и странный на вкус напиток.

И так каждый вечер из кромешной, холодной мглы выныривает сияющий полнокровной жизнью кусок:

- Бедняга! Морской воздух окончательно погубит его... - тихо сказал Джакоб леди Элизабет.

Славная девушка смотрела полными слез глазами на находящегося в лютом, нестерпимом кашле Питера Счахла. Он кашлял в тонкий батистовый платок, смотрел в него и дрожащей рукой махал оставшимся на берегу.

Те голосили и заламывали руки.

- Он умрет на чужбине... его зароют где-нибудь под пальмой, - продолжал Джакоб замогильным голосом.

- Боже! Как ты умеешь быть жесток! - прокричала леди Элизабет и стремглав сбежала с шкатуфа.

Матросы еще быстрее завертели кабестаны и клюзы с чавканьем втянули якоря.

Провожающие махали руками и выкрикивали благие пожелания.

- Сэр, - обратился Кулакин к стоявшему рядом Мак-Дункелю,- от чего не вижу на палубе Лорда Хроня? Не знаете ли вы где он?

- А чтоб я был проклят! В кормовой рубке, тысяча чертей!

- Но что он делает там?

- Ах, ты... черт! Пятьсот залпов мне в задницу! Что можно делать в кормовой рубке? Его там кормят!

Шхуна медленно отваливала от причала.

...

Джакоб вышел на палубу, сжимая в потном кулаке бумажку с координатами острова.

Свежий ветер ударил ему в лицо: синее море, надутые бугры парусов, нежаркое солнце, просвечивающее сквозь них.

Леди Элизабет улыбаясь подошла к Джакобу. Свежий морской воздух был ей явно на пользу: глаза светились, рожа масляна.

Матросы весело перебрасывались словечками, непрерывно брасопили реи и уваливались на румб-другой.

- Вот какие лихие ребята! - вскричала Леди Элизабет, хлопая матросам в ладоши, - настоящие морские волы!

- Да, - гордо сказал Джакоб, - молодцы они к одному, как стадо баранов.

Кулакин обвел сияющим взглядом безбрежную гладь океана с торчащими там-сям буревестниками, глотнул полной грудью крепкого морского воздуха. Его душу обуревала жажда приключений. И точно: вот и они, на его жопу.

...

Сражение становилось все ожесточеннее и ожесточеннее. Глухой гул канонады изредка нарушался перезвоном корабельных склянок.

Бриг подошел на милю, походил там, затем подошел на пять кабельтовых, развернулся в мертвый курсовый угол и дал залп брандскугелями из всех боковых канонад; казалось, все кончено, но нет, пронесло.

Вдруг на палубу упала чугунная бомба, начиненная порохом. Она шипела и бешенно вращалась. Все бросились в рассыпную, кроме друга степей и пустынь Мрамалада, который спокойно положил бомбу на одну ладонь и другой прихлопнул.

Бомба брякнула и сломалась.

Дружный вздох облегчения вырвался из всех грудей.

...

Джакоб с отчаянием взглянул на барометр: барометр показывал двадцать восемь целых и восемдесят две сотые.

- Отдай снасти и трави! - как бешенный закричал Кулакин, - больше ждать нельзя! Где Лорд Хронь, наконец? Опять в кормовой рубке!

С шлюпбалок на полубаке осторожно спустили шлюпку, но она вошла носом в волну и, растеряв все банки и полбанки, утонула.

Мокрые как мыши матросы работали молча.

С траверза набежала волна, перекатила через фальшборт и Кулакина с силой хлопнуло ошкафот. Джакоб сжал зубы и, перепрыгнув через обломки такелажа, побежал в кормовую рубку.

- Ваше здоровье! - прервал Джакоба Лорд Хронь, поднимая стакан.

- Его заменили, поймите наконец! Заменили!

- У нас незаменимых нет, - ответствовал Лорд Храм Хронь, отправляя в рот плавленный сырок.

- Лорд, у нас считанные минуты!

Лорд не стал особенно напрягать свой ум.

- Все сказал? - мрачно спросил он.

Кулакин утер пот со лба, отчаявшись что-либо объяснить.

- Ну, а теперь я тебе скажу, - продолжал Лорд Хронь в медленно разбуженном гневе, - хочешь выпить - вот тебе стакан, а нет, так вот тебе Бог, а вот порог! Могу я, наконец, хоть раз в жизни выпить спокойно!

В ярости он так сильно плюнул, что попав в стакан, разбил его.

На палубе послышался угрожабщий треск.

Кулакин, заламывая руки, выскочил и задрал голову: на фоне дымного неба ослепительно сияли трюмсели. От них занялись стаксели и скрюйсели.

Дхакоб, раскрыв рот, следил за пожаром, но тут его трахнуло по башке крюйс-стеньгой, он ссыпался с лестницы на полуют и больше уже ничего не помнил и ни о чем не волновался.

...

Матросы, как стадо баранов, с безразличным видом ждали, когда можно будет отвязать шлюпку, в которой уже сидел Мрамалад, всклокоченный Мак-Дункель и двигающий жевалками Виторган. Они молча напряженно ждали конца переговоров. Шлюпку здорово мотало и било о борт шхуны.

- Однако вы авантюристка, Фрау Маргрет! - горько сказал Джакоб.

- Станеш тут с вами авантюристкой!

Джакоб в бессильном гневе оглянулся вокруг, хотя перебинтованная голова сильно стесняла движения - кроме прижавшейся к нему Леди Элизабет, его окружали сплош жестокие, непроницаемые лица.

- А ну вас всех в задницу, гады! Сволочи! - вскричал Джакоб Кулакин с жестокой обидой.

- Ты нас не сволочи! - хмуро отозвался лысый Монтахью.

- Гады, гады и все!

Монтахью посопел, незная что сказать, и, махнув рукой, поковылял на шкафут.

- Бог терпел и нам велел! - неожиданно брякнул Лорд Хронь, покачиваясь.

- Вы отменно любезны, мой дивный гений! - с несвойственной ему иронией сказал Джакоб и резко повернувшись стал спускаться в шлюпку.

- Чахоточного не забудь! - крикнул с шкафута лысый Монтахью, указывая на барахтающегося в ледяной воде Питера Счахла - никто до сих пор не обратил внимания, что при абордаже он свалился в воду и барахтался там уже час. Бедняга был так плох, что казалось, что его не стоит и вытаскивать - гуманнее тюкнуть его легонько веслышком по голове.

Но жалостливый друг степей и пустынь Мрамалад могучей рукой поднял беднягу за шиворот, как следует встряхнул и усадил на скамейку. Жестоко кашляющий Питер, дрожа, достал платок и уткнулся в него.

- Садись, Джакоб... - тихо, сочувственно сказал Виторган спустившемуся Кулакину.

- Кому Джакоб, а кому и мистер Кулакин! - скрипя зубами, не в силах победить раздражение, вскричал Джакоб с такой силой, что Мак Дункель испуганно взглянул на него.

Маторсы на верху оскалились в дурацких ухмылках.

- И это говоришь мне ты! Ты, товарищь по несчастью!

- Тамбовский волк тебе товарищ! - заорал Кулакин и, сплюнув стал грозить работающим на палубе матросам.

...

Мрамалад прыгнул в воду и втянул лодку на берег.

Они осторожно вышли на сушу и оглянулись. Мрачные скалы молча громоздились над их головами. Леди Элизабет сжала губы, чтобы не расплакаться, и прихалась к Джакобу. Питер Счахл, на котором еще не вполне просохла одежда, изо всех сил кашлял и зашарил по карманам.

Мак-Дункель свирепо оглядел его и сказал:

- Ну, черт меня совсем подери! Чтоб черт...

В этот момент от нависшей над ними скалы отделилась верхушка, вероятно от кашля бедняги Питера, и бесшумно брякнулась на песок, прокатившись по Мак-Дункелю, и с плеском остановилась в море.

Доктор бросился на помощ, подбежал к мокрому месту, оставшемуся от бедняги, в данном случае Мак-Дункелю, осмотрел его и вынужден был признать, что медицина в данном случае бессильна.

Все застыли на месте то неожиданности.

- Боже! - прошептала Леди Элизабет, - не зря он был так раздражителен в последнее время: бедный, бедный Мак-Дункел чуял свою погибель.

Виторган снял шапку и задвигал жевалками.

...

Негры со счастливыми лицами стучали в тамтам и непрерывно плясали.

Бандиты, выжидая, стояли за кучами скорлупы и семечек, громоздящимися вокруг убогой деревни.

Выждав, бандиты со зловещими криками бросились на веселящихся чернокожих. Те, охваченные ужасом, повалились наземь и уткнулись лицами в шкорлупу и кожуру.

В несколько минут операция по захвату негров была закончена. Их грубо поднимали с земли и по одному заталкивали в вагон для скота.

Только там несчастные чернокожие начинали понимать, что их настигла беда. Но, увы, было слишком поздно.

- В путь! - вскричал лысый Монтахью, - через неделю мы выйдем к устью реки!

Джон Глэбб, широко улыбаясь, щелкнул зажигалкой.

...

Негров грубо согнали к роднику, где им дали выпить по глотку отвратительной тухлой воды и съесть по пол-ложки отвратительного жмыхового суррогата.

В кустах защелкали выстрелы - это Джон Глэбб добивал злополучных чернокожих, искусанных тиграми и изнасилованных осьминогами семихуями.

Монтахью, морщась, разглядывал лица несчастных, оставшихся в живых, - в живых оставалось не более половины.

- Ладно, - сказал наконец Монтахью, постукивая себя стеком, - хватит и этих...

...

... наконец чистые простыни! Джакоб некоторое время лежал спокойно, но затем, плотски возлежав, чертыхаясь поднялся и наощупь разискал дверь в комнату Леди Элизабет.

Нащупав постель, он полез под одеяло и замер, отпрянув - простыня была совершенно мокра от слез!

Напрасно Леди Элизабет отговаривалась тем, что она, мол, только что высморкалась - Кулакин понял, что его влюбленная плакала.

- Что ты? - нетерпеливо спросил он.

Леди Элизабет обвила его шею руками, ее мокрое лицо уткнулось ему в плече.

- Отец... как он мог?

- Ну... ладно... потом... догоним... - торопливо сказал Джакоб, поглощенный более происходящим в нем спермогенезом, нежели несчастьем подруги.

За стеной, со стоном отхаркиваясь, надрывно закашлялся бедняга Питер Счахл.

- Эх, мне бы твои заботы! - Джакоб раздраженно отпрянул от липкого лица подруги.

- Джакоб! - послышался в темноте корридора встревоженный голос Виторгана и шум опрокидываемых стульев, - Джакоб, ты где? Иди сюда!

Что случилось? Кто так кашляет?

Кулакин, горько усмехнувшись, повел рукой по вздрагивающим плечам возлюбленной и, встав, со всего маху налетел на несгораемый шкаф.

- Черт! - вскричал он.

- Что случилось? - испуганно прошептала Леди Элизабет.

- Да ничего... Об шкаф треснулся...

...

... но более всего адская тропическая жара досаждала самому Лорду Хроню. Он сидел под деревом, совершенно опухший от пива и невразумительно лопотал.

Лысый Монтахью, подтянутый и невозмутимый, в ослепительно начищенных кожаных крагах, расхаживал по разработкам, постукивая себя стэком.

Негры ритмично поднимали вверх блестящие на солнце мотыги и с уханьем вонзали в землю.

Подойдя к раскидистой папайе у самой горы, Монтахью пристально вгляделся в синюю тень и визгливо крикнул:

- Нгава!

Потное, сонное лицо чернокожего высунулось на солнце.

- Нгава! Почему не работай, черная скотина?

Негр встал, пряча масляные глаза и почесываясь. Монтахью, постукивая себя стэком, жестоко сказал:

- Твоя врет, черномазый, вас кормят отлично! Запомни, Нгава! Если негр работай много-много - хорошо, я вам давай сытая жратва. Если мало-мало - плохо. Убивай черномазая скотина винтовкой. Поняла меня?

- Да, масса Мандакуй.

...

... чде Лорд Хронь? Где этот несчастный хрыч?

- Он под деревом сидит,

по-турецки говорит...

...

... однако бедняга не успел отдышаться, как снова забахали выстрелы.

Зажав платком простреленную грудь, Питер Счахл отчаянно кашляя быстро побежал в гору.

...

Дверь открылась и связанного Джакоба ввели в кубрик. Сидящий там человек поднял голову и долго вглядывался в Кулакина, злорадно ухмыляясь.

- Знаешь кто я? - наконец сказал он.

- Нет, не имею чести! - ответил пленник.

- Я окаянный Джильберт!

После многозначительной паузы окаянный Джильберт хлопнул кулаком по столу:

- Слыхал про окаянного Джильберта?!

Джакоб спокойно молчал.

- Смекнул с кем дело имеешь?!! С окаяннм Джильбертом!

Окаянный Джильберт видимо высоко ценил свое прозвище.

- Сэр окаянный Джильберт, не сочтите за труд выслушать.

- Стой, ты как меня назвал?!!

- Сэр, вы педставились мне, я и позволил себе...

- Стой, запомни: здесь говорю и спрашиваю я! Понял? Я...

- Окаянный Джильберт... - недовольно добавил несчастный пленник.

...

Андрей Миронов, в костюме католического священника, воздев очи долу, подпрыгивает и поет:

Обрати внимание
На мои страдания!
Умерь мою страсть,
Окажи милость!
То-ло-ли-ло-ло!
То-ло-ли-ло-ло!

Это видно Валера включил не "Папуаса из Гондураса", а другой исторический телефильм - из пражской жизни.

...

... надо спасать беднягу, а то скальп снимут! - шепотом сказал Джакоб.

Виторган поднял голову и посмотрел на него.

- Ну, чего смотришь, встал и пошел!

- Убъют ведь...

- А что - лучше, если меня убъют? Или может Элизабет пойдет? Иди, я прикрою!

Виторган подвигал жевалками, плюнул, энергично встал и пошел. Дойдя до середины луга он остановился и как то жалобно, беспомощно оглянулся на Джакоба. В эту же секунду послышался тягучий звон. Увы, не ловко, в затмении умирает человек, пронзенный стрелой! Она попала в него сзади, завстренная, горральдически отделанная, и не убила насмерть, а непоправимо ранила.

Вся жизнь позади, человек ощущает себя лишним продолжением тягостного пения стрелы. Он, не смея даже упасть на колени, страшится дотронуться до красного клюва стрелы, слабыми руками расстегивает комзол.

Последним напряжением он удерживает равновесие, стоя посреди полного зелени луга.

Стрела указывает на его дрожащее тело и спереди и сзади.

Виторган упал навзничь и почувствовал стрелой строгое подталкивание земли, и уже чуть различимый красный клюв двинулся на небо...

Валере делается не по себе - как-то эта сцена выпадает из телефильма; или во время съемок по-настоящему ухлопали Виторгана.

...

- Кто это? - вскричала Леди Элизабет, на скаку хватая Джакоба за руку.

Джакоб вгляделся в пыль. Там, на обочине дороги неподвижно сидел человек, одетый во все белое.

- А! - сказал Джакоб, - знаю его. Бхалтда.

- Индеец, что-ли?

- Индиец.

- Откуда здесь индиец, здесь индейцы живут.

- А кто их разберет. Чучмеки тут живут...

Бхалтда, приветствуя путников, прижал руки к груди и встал, наклонив умотанную в белое тряпье голову.

- Бхалтда! - прокричал Джакоб, поравнявшись с индейцем, - видел Монтахью? Говори!

- Видел, сагиб. Езжай-ка другой дорогой - Монтахью подпилил сегодня мост через Большой Жаньон.

- Ты сам это видел? - спросила Леди Элизабет, порывисто дыша.

- Да, мэм - сагиб.

- И что... здорово подпилил? - озадаченно осведомился Джакоб.

- Пеший воин не проложит по этому мосту тропу.

Джакоб удрученно взглянул в сторону удаляющейся кареты, нахмурившись стегнул скакуна и помчался сквозь пыль. Леди Элизабет, строя индейцу глазки, помчалась за Джакобом.

- Ну, если соврал!... - скрипя зубами прокричал ей Кулакин, - шкуру спущу с индийца пархатого.

- Но как же мы поедем, Джакоб?

Джакоб Кулакин хмуро молчал, напряженно вглядываясь в даль. Там уже разворачивалась грандиозная панорама Большого Каньона.

Питер Счахл высунулся из окна кареты и, кашляя, восторженно указал всадникам на отвесные рыжие скалы, мерцающие в дымном мареве. Показался мост.

- Но, милый, пора сворачивать!

- Не так страшен черт, как его малюют, - процедил Джакобб. -

Джакобб! - Ну, что? Что "Джакоб"? Я уже тридцать лет Джакобб! Молчи Лизабетта.

Ветер свистел в ушах. Леди Элизабет, крича, тщилась нагнать Джакоба Кулакина, тщательно пришпоривая скакуна.

Джакоб поднял коня на дыбы перед раскрывшейся бездной. Кони, пятясь, смотрели красными, косыми глазами на медленное падение обломков моста и кареты вниз, к переливающейся на солнце нитке Колорадо.

Там и сям на поверхности реки показались сверкающие розочки всплесков.

Только когда грохот затих, совершенно белая от ужаса Леди Элизабет прошептала:

- Боже... Бедный Питер...

- Черт подери! - вскричал красный, как пион Джакоб, - индус оказался прав! Так я и думал!

- Боже... Джакоб, но почему ты решился ехать по этому мосту?

- Черт подери! Каррамба! Все как-то думал обойдется...

- О, как ты непредусмотрителен!

- Молчи, Лизабета! Не трави душу!

Путники спешили. Скакуны принялись щипать чаппарель, Леди Элизабет стала собирать цветы и грибы. Джакоб сел на пень и наморщил лоб.

- И так, - сказал он, подумав, - мы остались без кареты, без бедняги Питера, что еще хуже... впрочем, на всех карет не напасешься, а бедняга бы все равно долго не протянул. Одна ты у меня осталась, Лизабета... и черт меня подери если я знаю что теперь делать! - и он в ярости вскочил.

- Лизабета!

Леди Элизабет грустно посмотрела на Джакоба Кулакина.

- Лизабета, вперед!

...

Мрамалад остановился как вкопаный: ноги на ширине плеч, чуть согнуты, руки - будто держат перед грудью стекло.

Громаджная толпа индейцев гикая, свистя и улюлюкая опрометью бежала на него со всех сторон.

Мрамалад встречал их короткими ударами по морде. Индейцы валились с ног и начинали ползать в траве, как младенцы.

Для Мрамалада особенно удобны были набегающие на него сзади, этих он не оглядываясь хватал и перебрасывал через себя вперед, сшибая заодно троих-четверых, набегающих спереди. Таким образом без особого напряжения Мрамалад действует минут десять, никого, однако не зашибая насмерть.

Наконец очередь доходит до самого главного индейца, такого же сильного и товажного, как Мрамалад. Индеец Мрамаладу стукнул в морду, Мрамалад стукнул индейца в морду. Индеец Мрамалада три раза стукнул в морду, Мрамалад три раза индейца.

Через десять минут вконец замордованный главный индеец предлагает мир.

Мрамалад, видя, что нейтрализовал дурное влияние лысого Монтахью, братается с главным индейцем; но тут один самый подлый индеец со зверской мордой поднимается из травы и метко бросает в Мрамалада нож.

...

Часто останавливаясь от рыданий, Джакоб большими красными буквами написал на перекладине креста:"Леди Элизабет Джамбаттиста Хронь. Спи спокойно, дорогая подруга. Клянусь тебе..." - но больше на перекладине не было места. Некоторое время Кулакин стоял молча, утирая слезы и ежась от ледяного ветра, дующего с Атлантики.

Неожиданно за его спиной послышался надрывный кашель. В страшном ужасе Джакоб оглянулся и онемел: действительно перед ним стоял бедняга Питер Счахл, живой и невредимый.

Джакоб протянул руку и потрогал беднягу.

Тот разразился приступом жесточайшего кашля.

- А... разве ты... не упал тогда с каретой?

- Упал... - еле смог сказать Питер сквозь приступ жесточайшего кашля.

- Так, понятно, ну, и?

- И ничего. Отлежался...

...

Княгиня некоторое время ходила взад-вперед, искоса поглядывая на него.

Свет свечей колыхался от сквозняка и окрашивал в желтый свет белые, сплош покрытые инеем окна.

- Вы не похожи на русского, - задумчиво сказала княгиня.

- Вы правы, княгиня. Я папуас.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА УЖАСОВ О ТОМ, КАК МАСОНЫ ЧУТЬ НЕ УБИЛИ КОЧЕГАРА

"Чудеса в наше время встречаются
только поганые"

А.и Б.Стругацкие

Трудно, конечно, смотреть телевизор такими неравноценными кусочками, но вообще все понятно. Тем более, что когда Валера приезжал на работу, он расспрашивал о содержании пропущенных кусков телефильма у своего приятеля Ивана, кочегара.

Иван, парень грамотный, и как многие кочегары - начитанный, но тоже не дослужился до пятого разряда, потому что он такой раздраженный на судьбу, что его все, где могут, затирают и втаптывают в говнище.

Иван глубоко презирал телефильм, но из злости смотрел, ничего не пропуская. Телефильм создан, как он с невыразимой ненавистью говорит, по мотивам "Наследника из Калькутты". Книга написана тяжелым, липким языком, повествует о неприкращающейся погоне героев времени героического капитализма друг за друга - по Европе, по Азии, Африке, Америке, по разным океанам и т.д. Особенный шик заключается в том, что одно из немногих мест, где герои не появляются - это Калькутта. Цель этой нудной погони очень невнятна, не понятно и то, почему героев мотает то на один, то на другой конец земного шара. Описание погони прерывается не относящимися к сюжету экскурсиями в далекое прошлое.

Лейтмотивом книги является описание какого-то необитаемого острова, на который все персонажи регулярно наведываются по необъяснимой причине и околачиваются там, пока не наступит время пускаться в погоню. Насколько я понимаю, к концу книги все герои, даже разных национальностей оказываются друг другу кузенами, братьями и детьми и вчистую истребляются друг другом, пограничниками, пиратами, алькальдами, таможенниками, работорговцами, неграми, индейцами, обитателями необитаемых островов и регулярными войсками.

Книга приятно оформлена, оценивается на рынке в 60-70 руб. и предназначена, видимо, для слабоумных. Почитатели книги говорят, что она учит мужеству и находчивости, а один книжный маклак заявил мне, что она "учит его любить жизнь!". Словом, книга является одной из лучших в этом роде, но слабо напоминает четко мотивизированного и пронизанного причинно-следственными связями "Папуаса из Гондураса".

Но Иван, интеллигент, пишет авангардные стихи и потому люто ненавидит и валит в одну кучу и "Наследника из Калькутты" и "Папуаса из Гондураса", которые, по его определению, являются "масонскими штучками". К масонству Иван особенно нетерпим и считает это страшное гипотетическое явление источником всех общественных и своих личных невзгод.

Валеру Маруса он в целом не считал и потому был к нему снисходителен, разрешал целыми днями греться у себя в котельной.

Я почему про этого Ивана так подробно говорю: дело в том, что Валера рассказал ему нехитрый рецепт изготовления браги из томатной пасты и в воскресенье, когда мороз как раз ослаб, Иван заехал к Валере пробовать, что за брага получается.

У Валеры совсем поспела пятилитровая банка, они сели и сразу стали пробовать. Иван некоторое время чувствовал себя неловко, уж больно убогая оказалась обстановка, он даже не ожидал.

Валера, наоборот, был приятно взволнован и оживлен, потому что, надо-же молодец какой, такую брагу хорошую сделал.

- Ну, что, Иван, хорошая бражка?

- Да, ничего, только страшная какая, красная.

- Ну и что, что красная?

- А вон осадок какой красный.

- Ну, не хочеш так, можно и через марлю процедить, а я прямо с осадком пью. А забирает зато здорово, как-то по-особенному.

- Я что-то не чувствую.

- Погоди, скоро почувствуешь. Я ее еще маленькой укрепил. - Ну, не дурак ли ты, Валера? Я к нему специально еду брагу пробовать, а он туда водку влил. Водку-то лучше бы отдельно выпили!

- Нет, Иван, так гораздо лучше, и ты так делай. Я вино, брагу больше водки люблю. Водку выпил - хлоп и все. А тут сидишь, пьешь.

- Чего ты говорил - у тебя электричества нету?

- Как сегодня потеплело, электричество больше не отключают. Жалко, сегодня как раз "Папуаса из Гондураса" показывают - воскресенье.

- Да ну его в жопу, я вообще его больше смотреть не буду. Такое говно фильм! Мне один только момент понравился.

- Это про что?

- Про мушкетеров смотрел серию? Ну, историю этого алмаза дурацкого?

- Нет, Иван, не видел я, в гости ходил. Ты расскажи. Я только про высокое возрождение видел, а следующую не смотрел. Что там было?

- Ну и правильно, что не видел - такая блевота, хоть плач. Ну, про Д'Артаньана и Блеза Паскаля. Ты хоть слышал про Паскаля?

- Слышал чего-то.

- Эх, Валера, тросник ты маслящий. Ну, там, короче, Д'Артаньан ради карьеры у Паскаля невесту увел, потом его шпагой проткнул и веселую песню запел. Тьфу-ты "что за рыцарь без удачи". Но один момент хороший, ничего не скажешь. Там кардинал спрашивает у этого мужика: Он один?

Тот ему: Нет, Ваше Преосвещенство.

- Двое?

- Нет, Ваше Преосвещенство.

- Трое?

- Нет, Ваше Преосвещенство.

- Четверо?

- Нет, Ваше Преосвещенство.

- Пятеро?

- Нет, Ваше Преосвещенство.

- Шестеро?

- Нет, Ваше Преосвещенство.

- Сколько-же?

- Семь, Ваше Преосвещенство.

Я могу объяснить, почему Ивану понравился этот диалог: он очень напоминает его авангардные стихотворения. Вот парочка для образца:

ВСЕ ПРОЙДЕТ!

"О, как мало осталось!"
Девять
Восьемь
Семь
Шесть
Пять
Четыре
Три
Два
Рубль.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕНОЙ УТРАТЫ

Воодин
Водва
Вотри
Вочетыре
Вопять
Вошесть
Восемь
Девять
Десять.

Вот такие стихи пишет Иван. Только я чего боюсь - если уж что-то называть масонским явлением, то не такие ли стихотворения в первую очередь?

- Хочешь, телевизор включим? - предложил Валера.

- Да ну его в жопу!

- А чувствуешь, забирает бражка?

- Подумать только, - сказал Иван, вдруг задумавшись, - мы так давно смотрим телевидение, что уж отвыкли от нормальных, не порченных им людей...

- Да, а тебя разве не забрало?

- Это тебя на старые дрожжи забирает.

- Слушай, я как раз анекдот вспомнил.

- Только ради бога не похабный!

- Да нет, я как раз не похабный вспомнил. Это, значит, мужык один - пошел на улицу. Вышел, значит, идет, смотрит на руку. /Пауза/ Нет! Вспомнил. Мужик, значит, утром встает и выходит на улицу... Идет, идет... /Пауза/ Ну, ушла на работу, значит, совсем. А мужик утром встает, /Валера говорит таинственно, с отчаянной жестикуляцией/ смотрит в одну комнату - нет жены, смотрит в другую - нет жены... /Пауза/ Смотрит на кухню - нет жены, смотрит в ванную - нет жены... /Пауза/

- Смотрит в туалет - нет жены, - дополнил рассказ Иван.

- Ну пошел, идет и раз: на руку посмотрел. Нет... /Пауза/ Да! Вспомнил. Ну, мужик в холодильник, достает колбасу, сыр там, хлеб и булку! /Торжественно/ Поллитра! Водку, значит, выпил! И пошел на улицу. Идет и на руку смотрит... /Пауза/ Навстречу ему парень идет и закурить спрашивает... Нет! Во! Вспомнил! Мужик часы то дома забыл! А навстречу парень идет! А часов-то нет! Парень спрашивает закурить и сам на часы смотрит и спрашивает: Сколько времени? А мужик на руку посмотрел /часов то нет!/ А парень то все понял и убежал. А мужик за ним, значит... /Пауза/ Да! И часы-то отобрал и домой пошел. А уже ночь, значит, темно.

Пошел домой - жена спрашивает: Где часы? А мужик говорит: Вот они. А жена тогда и говорит: Эх ты, вот часы-то на столе лежат!

- Ты свои масонские анекдотики брось! - хмуро ответил Иван.

- Нет, я просто забыл немного! Я еще один вспомнил.

- Нет, уж хватит. Включай свой телевизор лучше.

Валера включил свой телевизор.

- Какую программу?

- Откуда я знаю какую программу? Включай, посмотрим.

Дорогие товарищи! Сегодня в нашей программе вечер одноактных пьес из античной жизни по мотивам произведений Жана Расина, Освальда Штенглера и других.

Титр:

ИППОЛИТ

/ по мотивам произведений Ж.Расина /

На сцене сидит убеленный сединой старец, листает какие-то пергаменты. Вбегает юноша с совершенно перекошенной мордой и скрежечет зубами.

СТАРЕЦ /грустно и вальяжно/: Ты кто, о отрок?

ЮНОША /с пеной у рта/: Я дикий Ипполит!

Иван и валера задумчиво глядят на экран.

- Не понял! - наконец говорит Иван.

Валера поскреб затылок и вздохнул.

- Это типа юмора, что ли? - спросил Иван.

- Из античной жизни, - равнодушно пояснил Валера, не нашедший драму чем либо необычной. На экране телевизора новый титр:

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

/ по мотивам произведений О.Штенглера /

На сцене две колонны, два фикуса, две двери. Из одной двери, в ванную, опрометью, босой и вообще только кое-где изящно задрапированный выбегает Архимед.

АРХИМЕД /свежо, молодо, как типичный представитель начала цивилизации, очень вдохновенно/: Эврика!

Из другой комнаты выходит Андрей Филлипов, грязный, постаревший, хоть и моложе Архимеда лет на двадцать, сгорбившись, в обтруханных штанах, с сеткой пустых бутылок - видно шел сдавать, да заплутал.

АНДРЕЙ ФИЛЛИПОВ /с мудрой горечью представителя заката цивилизации/: Хуеврика!

Все происходит мгновенно, вся драма занимает пять секунд, то есть лучше писать так:

АРХИМЕД: Эврика!

АНДРЕЙ ФИЛЛИПОВ: Хуеврика!

/ занавес /

Иван вскочил как ошпаренный:

- Ты слыхал?

- Чего?

Иван подумал и дико рассмеялся:

- Ты знаешь, как мне показалось он сказал?

- Как?

- "Хуеврика".

- Дык он так и сказал, - спокойно ответил Валера.

- Ты что, чекнулся, что-ли?

- А теперь часто такое по телевизору - перестройка.

- Какое "такое"?

- Вот на днях семихуев показывали.

- Кого?!

- В Африке зверь такой - осьминогий семихуй.

- Да ты совсем охуел от своей браги! Свинтился! Давай, переключай, хватит на эту мудотень масонскую смотреть.

Валера переключил телевизор на другую программу, стал разливать брагу.

АЛЕКСАНДР ЖЕГУЛЕВ

Так было и с Сашей Погодиным, юношей
красивым и чистым, избрала его жизнь
на утоление страстей и мук своих...
Печальный и нежный, любимый всеми,
был испит он до дна души своей... был
он похоронен со злодеями и убийцами.
Л.Андреев

... но когда стемнело, Саше стало совсем невмоготу смотреть на далекое зарево городских огней.

Глаза его слезились от фар редко проезжавших машин и еще от того, что произошло только несколько часов назад, как он поцеловал - может в последний раз! - юную жену и чистого безмятежного младенца.

"Нет, - в который раз он до крови стискивал зубы, - так надо!". "А зачем?" - снова обволакивала его паутина неуверенности, неоднозначности и главное, сильной поганости избранной им судьбы.

"А почему?" - снова поднимал он прекрасное лицо к небу и звезды мерцали ему: доля такая.

"Какая доля? Бедовая доля?"

"Нет, просто: доля такая."

Машины совсем уже перестали проезжать; Саша выбрался из канавы на шоссе и, теребя руками перочинный нож, двинулся во тьму. Со стороны города послышалось ритмичное повизгивание и замерцал огонек: приближался почтальон на велосипеде. Это была удача.

- Стой, почтальон, - изнемогающим голосом сказал Саша, доживая последние секунды перелома, - остановись, пора...

Александр почувствовал, что нож, руки и язык отказывают ему.

- Чего? - отозвался ошалелый почтальон, ставя ногу с педали на землю. В тот миг Саша выпростал из-под пиджака руку с ножом и несколько раз, как мог глубоко, ударил его. Почтальон побарахтался в своем вилосепеде и с грохотом свалился на асфальт.

"Кровушка невинная пролилась..." - с горечью подумал Саша, сволакивая бездыханное тело под откос.

/Иван недоуменно взглянул на Влеру Маруса, но тот спокойно созерцал демонстрируемое./

Письма, найденные у почтальона в сумке Александр, какие разорвал и разбросал по шоссе, а какие втоптал каблуками в землю. Завернувшись в ворох реквизированных газет, Саша долго, шумно шелестел как еж и ворочался в сырых кустах не в силах заснуть.

"Ну вот и началось... - думал он и дрожал, - тварь ли дрожащая, или..."

...

Дело пошло быстро и хорошо. К Саше примкнули многие, видно время назрело - его отряд рос как снежный ком, не по дням, а по часам. После удачного налета на пост ГАИ достали оружие, боеприпасы, что позволило значительно расширить объем боевых операций; не принебрегали и мелочами.

И народ любил Сашу, любил и понимал. Понимал тогда, когда отряд взрывал водонапорную башню и рушил мосты, и тогда, когда Александр, плача то жалости расстрелял десяток баб, собирающих на поле картошку.

"Землю собой украсил, как цветами!" - говорили об Александре по деревням, носили ему молоко, творог - все знали, что с боем взяв сельпо, Саша не риквизировал пищевых продуктов, а без жалости сжигал. Если кого заставал на экспрприации - расстреливал лично. И дисциплина была в отряде жесткая - никаких разговорчиков, песен. Бойцы, сжав зубы, вытерпели даже объявленный Александром сухой закон. Все было подчинено одной цели, одной программе:

1. Убей
2. Лучше всего неповинного
3. Мучайся потом
4. Земля содрогнется
5. Совесть народная проснется
6. Еще неизвестно, но что-то будет.

А девиз в отряде был прост: сегодня ты живой, а завтра тебя нету.

Троих самых отчаянных бойцов: Сеню Грибного Колотырника, Пантюху Мокрого и Томилина Саша назначил взводными и доверил совершать самостоятельные рейды по области.

Сеня Грибной Колотырник, жестоко страдающий без спиртного, хронический алкоголик, делал все, чтобы оправдать высокое доверие. По призванию Сеня был народным мстителем экстракласса, такого класса, что затряслись бы от него в ужасе Тарас Бульба и Малахия Уолд и шарахнулись куда глядят и спрятали бы головы под мышку. Такого калибра был Сеня Мститель, что всему человечеству мог, не моргнув, плюнуть в рожу; положить /как Мрамалад бомбу/ земной шар на одну ладонь, а другой прихлопнуть.

Грибным Колотырником его ласково называли бойцы за то, что он часто срывал зло на грибниках. Порыщет по лесу и наткнется на грибника.

- Ну-ка, ну-ка, подойди сюда, грибничек.

- А что вам собственно нужно, товарищ?

- Ты не ершись, а отвечай: собирал грибы?

- Да, собирал.

- А ты их сеял, сажал?

- Позвольте пройти, товарищ.

- Вот то-то, грибник: собираешь то, что не сажал, и жнешь что не сеял и потому не позволю я тебе никуда больше идти.

И застучит Сеня морду грибнику досмерти. Сегодня мы живой, а завтра тебя нету.

- Слушай, это что же такое показывают? - с тревогой спросил Иван.

- Как чего? Про партизан. Или про революцию.

- Какие партизаны, балда, ты видел как они жигуленки взрывают, икарусы?

- Да что ты, Иван, обыкновенный фильм про войну, а может и про партизан.

- Ну дурак ты, Валера! Совсем у тебя чердак съехал от браги. Не могут такого показывать, не могут, понял?! Не могут. Может, правда, научная фантастика? Да нет, не похоже.

Валера равнодушно смотрел на экран. Иван вскочил и тревожно заходил по комнате, не отрывая глаз от телевизора.

...

Пантюха Мокрый уже третий час лежал в лопухах и вел наблюдение за большим селом Косицкое. Иногда он вскидывал руку, будто желая ударить рой синих, жирных мух, летающих вокруг, ползающих по траве, по лопухам, по потному лицу Пантюхи. Солнце перевалилось за полдень, жара усиливалась. Пантюха утирал налипшую на лицо травяную труху и мошек, зорко вглядываясь в малоподвижное от зноя село.

Прямо перед глазами Пантюхи желтые одуванчики на фоне черной тени сарая городо клонились к теплоте, как прекраснык женщины Вармеера; дальше несколько баб пололи серое болотище. В самом селе электрик влезал то на один то на другой столб и трогал электричество.

Пантюха несколько раз было поднимал обрез, чтобы снять электрика со столба, но обрез был враль - с трех выстрелов только одного и забирал, а обнаруживать себя раньше времени и даром Пантюхе не хочется.

Оцепенение нашло на него, веки смыкались. Незаметно из отвратительного звона мух выделился разноголосый, рокочущий рев. Пантюха вздрогнул, приподнялся из лопухов и взглянул на залитую солнцем дорогу: из леса поползла разноцветная лента какой-то толпы.

Это была банда некогда известного художника, а ныне бандита Витьки Тихомирова.

Дюжие, вполупьяна для куражу молодцы ошибали шашками репейник, гарцуя на лоснящихся конях; в дрожащем от зноя воздухе колыхались знамена и хоругви кисти Витьки Тихомирова, изображающего самого Витьку Тихомирова, насупленного Нестора Махно, Бакунина, князя Крокина с топором в руке, Че Гевару, Джека Потрошителя, Бонни и Клай и многих других - только Саши Жигулева небыло на этих хоругвях, чем уже и раньше знал Пантюха.

Бойцы и Витька были самых разных мастей - больше всего, конечно, было румяных, усатых, с пьяными рожами, поющих "ударили Сеню кастетом"; но была, например, группа молодых молодчиков в черных рубашках, горланящих "Джовенезу" /и кое-кто из них осторожно мычал "Хорста Весселя"/, поодаль ехали с усталыми, грустными лицами ребята в конфедератках, поющие "Красные маки - под Монте-Кассино"; с ненавистью смотрели они на чернорубашечников, а на них самих свирепо поглядывали самовары рожи бандитов с самодельными георгиевскими крестами.

Не было у Витьки в отряде только толстовцев, ментов не было, шпионов всяких; но особенно Витька не любил буддистов. Три раза брал Тихомиров приступом город Нерваново-Вознесенск, гнездо и рассадник буддисткой заразы, и вырезал всех буддистов в чистую, и три раза город отстраивался, наезжали на ласковых баб-ткачих мужики /буддисты, как утверждал Витька/, и снова вел Тихомиров свой отряд раскручивать Нерваново-Вознесенск, третий раз за все лето.

За бойцами ехало пропасть накрашенного бабья на телегах и десятки подвод обоза - с семенным зерном, бочковою свининой, ящик с самогоном, шампанским и водкою "Золотое кольцо", тюки тканей и югославских обоев, запчасти автомобилей, мебели, посуды, стереоаппаратура.

Особенно держалась подвода менее ширпотребных товаров, предметов обихода лично Тихомирова: краски, гипсовые статуи, портрет батьки махно на велосипеде, реквизированная в краеведческом музее картина "Алярюс" американского, видимо, художника Э.Кэбпэкоба, подписанная латинскими буквами: А.Саврасов.

Банда подъехала к селу, Витька махнул рукой; отдельные голоса замолкли и после нескольких секунд секунд молчания гнустный голос запевалы заныл где-то по середине колонны:

Нинка как картинка
С фраером гребет
Дай мне, Керя, финку,
Я пойду вперед,
Поинтересуюсь,
А шо это за кент...

И сытые, распираемые удалью бандиты брызнули, как гнилой апельсин не дожидаясь конца куплета припев /впрочем совсем из другой песни/:

А водки съем бутылочку,
Взгромаздюсь на милочку
А потом в парилочку
Т-т-тваю мать!

Банда въехала в село. Девки высыпали на площадь перед почтой и раззявив рот любовались сытыми иордами бойцов.

Какой-то сефрик на костылях притащил каравай хлеба с полотенцем и утирая слезы, подал Тихомирову.

И Пантюхе Мокрому так было обидно глядеть на эту зажиточную вольницу, что он вскочил и не отряхнувшись, побежал через огороды в село. Он выбежал на площадь, матерясь, расталкивая баб и вплотную подошел к Тихомирову.

- Харю разворочу! - задыхаясь крикнул он. Все замолкли. Старик с караваем перестал плакать и попятился за баб.

Витька важно поправил папаху и кашлянув, разгладил усы.

- Утрись ты своими папахами! - крикнул Пантюха, - банты еще анархистские нацепи, бандит!

Витька Тихомиров склонил голову назад и поднял одну бровь гораздо выше другой. Тотчас к нему, спешившись, подбежал бледный, гнилой юноша в ленноновских очках.

- Пантюха Мокрый, из жигулевских, - шепнул юноша Витьке. Витька кашлянул, поправил пулеметные ленты на груди и важно, как ласковый барин холопу сказал:

- Что же ты меня ругаешь, дружок? Чем же я хуже твоего Сашки?

Пантюха заскрипел зубами и сжал кулаки:

- Сашка светлый, свету дите! Сашка - положительное имя стало, мы с ним совесть народную упромыслим, а ты за ним вылез, как вошь на гребень! Ишь, "чем я хуже"! Ты бандит и вор, вон ряху то наел награбленным сельпо, а мы в отряде по три дня не жрамши!

- Как же нам не экспроприировать? - вмешался в разговор бледный юноша анархист, - Ведь мы так же как Жигулев, выступаем с прикладной инициативой ультрапарадоксальной фазы тотального отказа.

Девки в толпе прыснули смехом.

- А?! "Астраль-ментел", с-сука! - с лютой злобой сказал Пантюха, глядя на анархиста, - Эх, вон на кого патрон бы стратить! Слыхал я про тебя, гнида! Да руки не доходили.

- Скажите, Пантелей, у вас есть определенная политическая программа? - спросил юноша, ко многому привычный.

- Сколько ни есть - вся наша.

- Но вы могли бы сформулировать?

- Коли я кому сформулирую, дык он и не встанет, а программа наша проста: сегодня ты живой, а завтра тебя нету.

- Ты, дурак, думаешь мы крамольничаем? - продолжал Пантюха, обращаясь к Витьке, - мы не крамольничаем, мы горюшко народное невосплакучее слезами омываем, для народа рядеем! А ты - уркаган, тебя в тюрьму надоть! Водку пьешь! - с обидой вскричал Пантюха напоследок.

Все промолчали.

- Уймись ты, дурачина, сейчас тебе Витька "Встань-хряк" устроит, - крикнула из толпы какая-то баба в мухояровой душегрейке.

Пантюха, усмехнувшись, сплюнул; и даже не сплюнул, а как-то особенно презрительно уронил слюну с языка.

Все снова, восторгнувшись, промолчали.

- Сашка-то твой небось побольше народу перекокошил, - произнес Витька, подумав.

- Саша наш кокнет одного, дык потом час мучится, плачет! А ты... шпионов все ловишь! В Ожогином Волочке и было-то 40 дворов, а там что шпионов настрелял! Хоть Машка из сельпо, продавщица - какая она тебе шпионка, если и по выходным нам косорыловку давала!

Все враз затаили дыхание. Витька, чуть улыбаясь, туманно смотрел на Пантюху. Кровушкой запахло на солнечной площади села. Явная обида вышла атаману - ведь дело в том, что женщин-то Витька принципиально никогда не кокал - жалел. Тетю Машу из сельпо покрошили двое чернорубашечников, за то Витька их потом самолично шлепнул, а с ними заодно еще пяток Аковцев; ведь скор был Тихомиров в таких случаях и девиз его был еще проще, чем у Саши: сначала действуй, а потом разберись.

Пантюха мигом сообразил все то, когда ласковая рука витькиного ординарца Пароконного вынула у него из-под пиджака обрез, а другая рука нежно взялась за плече. Пантюха понял, что сегодня он живой, а завтра его небудет.

Бабы заранее заголосили, ведь всех сашиных бойцов жалели, а Пантюху любили как родного.

Витька поднял руку, переждал, когда все замолкнут, и негромко осведомился:

- Буддист?

Бабы снова заголосили, услышав такой жуткий вопрос, однако ошибка была слишком очевидна - на буддиста Пантюха даже не тянул.

- Шпион, толстовец, мент, Дэвид Боуи? - выдал Тихомиров сразу обойму предложений, от каждого из которых разило могилой.

- На толстовца похож... - услужливо закачал головой гнойный анархист, зная, что одного из роковых определений Пантюхе не миновать.

- Ну а раз толстовец, так и рубай его, хлопчики! - не повышая голоса крикнул Витька Тихомиров через плечо и тронул коня.

Заулюлюкали, засвистели, блеснули в пыльном воздухе веселые шашки, глянцевидные лошадиные крупы и жирные загривки бойцов заслонили собой от стонущих баб хрипло матерящегося Пантюху Мокрого.

Да. Сегодня ты живой, а завтра тебя нету.

Одновременно с Пантюхой Мокрым не стало и Сени Грибного Колотырника, причем обидно нелепо: Сеня, не в силах обойтись без алкоголя, стал понемногу есть ядовитые грибы и вскоре, так и не прийдя в сознание, умер.

Узнав о гибели Пантюхи, Саша весь отряд бросил в жестокий бой с Витькой Тихомировым и почти победил разжиревших на краденном сале бандитов, /которых теперь в народе прямо уже и считали за бандитов/, но пешим жегулевцам не взять было Витьку в кольцо, и он ушел залечивать раны в Новгород. Но и Саша недосчитался многих лучших бойцов, а некоторые предали народное дело и ушли за Тихомировым, к его бабам и дармовой выпивке.

Мало осталось верных, но железным строем сплотились они. Близилась осень; Саша понимал, что зиму в лесу перенести не удастся, придется возвращаться в город, к семье, к постылой работе в конторе и поэтому отряд торопливо боролся день и ночь: вчистую вырезали геологическую партию и зарыли скважины, которые геологи успели пробурить, взорвали все рейсовые автобусы на область, пустили под откос десяток поездов дальнего следования.

Удалось даже сбить несколько низко летящих самолетов-кукурузников, опыляющих поля.

Однажды зябкой сентябрьской ночью Саша и Томилин бесшумно сняли сторожа детсадовской дачи, тихо подперли дверь колышком и принялись осторожно забивать окна: Саша придерживал доску, а Томилин обернутым в вату молотком прихватывал ее гвоздиком.

Только к утру, когда небо светлело, были заколочены все окна большого деревянного строения.

Томилин приник к щели и долго слушал: все было тихо, все спали.

- Давай, Сашок, - шепнул он и стал откручивать крышку канистры с киросином.

Саша взял в руку канистру, чуть наклонил ее, но вдруг задумался и с тоской поглядел на небо. Слезы замерцали в его глазах под светом тусклых звезд. Он сел на крыльцо и крепко сжал голову руками.

Томилин осторожно, бережно положил ему руку на плече:

- Тяжело тебе, Сашок?

Саша не отвечая сглотнул слезу и кивнул.

- Тяжело, Саша, ох тяжело! - с тяжким вздохом сказал Томилин. - И мне тяжело. А кому сейчас не легко-то? Подлецу одному легко! Ничего Сашок, все упромыслим... без изъяну поворот не сделаешь. Наше время - это молотьба чего-то такого... муки какой-то. Должен ведь кто-то ее перелопатить.

Саша сдавленно застонал.

- Саша, Сашок, - зарыдал Томилин, - тебе бы у грамоты сидеть, умильный ты да светлый.

Голос Томилина звенел - и сколько же неисплаканной силушки народной было в нем.

- Да Томилин, да... ох, тошно мне! - задушевно сказал Александр, рванув воротник, - но зачем, зачем, Томилин?

- Зачем? - вскричал Томилин, - Зачем? А затем, что упадет кровушка в мать сыру землю и вырастут цветы совести народной! Саша, Сашок, ты знаешь... кто? Ты, говорю, знаешь для меня кто? Ты для меня все горюшко, болюшка и силушка людская - вот кто! Саша, не молчи, хочешь землю буду есть сырую?!

И Томилин, припав к мокрой от росы земле стал хватать дрожащими губами землю.

Александр задумчиво ухватил тонкими пальцами комок затоптанной черной земли и поглядел и поглядел на нее заплаканными глазами.

- Вот она... землица... - дрогнувшим голосом сказал он. Томилин, шмыгая носом и всхлыпывая, взял в руки канистру с керосином и ...

Иван, выйдя из себя, дернулся и прохрипел:

- Переключай...

Валера удивленно посмотрел на него:

- Тебе что не неравится? Зашибанское кино.

- Переключай, быстро... - не двигаясь, мучительно скривился Иван.

Минуты две по экрану ползет стрелка. Иван подавленно смотрит, не шевелясь. Затем на экране появляется лихой молодой человек, как Иван, напряженно глядящий куда-то в бок. Иван вздрагивает и молодой человек, будто заметив это, счастливо улыбается и объявляет:

- Дорогие товарищи, сегодня в нашей программе художественный фильм "Спорт любит сильных". По центральному телевидению фильм демонстрируется впервые.

СПОРТ ЛЮБИТ СИЛЬНЫХ

Под оглушительный рев трибун Алексей вышел на помост и несколько раз подпрыгнул, разминаясь.

- На помосте - Алексей Степанов, Советский Союз! - проревел динамик, и вторя ему залопотали на разных языках голоса в других частях громадного зала.

/Иван облегченно вздыхает и, размякнув, откидывается назад.

- Слава тебе, господи... Что-то, наконец, нормальное. Я уж думал - белая горячка у нас!

Валера равнодушно глядит на экран, хлопая короткими ресницами./

Степанов приветственно поднял руки, чувствуя как волнами поднимается в нем спортивная злость.

- Его противник - Рихард Грюшенгауэр... Федиративная республика Германия, выступает под псевдонимом Гамбургское Страшилище.

Алексей было оглянулся - важно было не пропустить момент выхода немца на помост. Даже по тому, как он проползет под канатом можно было довольно точно оценить его состояние и степень подготовленности к бою. Гамбургское Страшилище, сильный и тактичный игрок, лез намеренно небрежно, опираясь на пол руками и сплевывая. Выходя, он так сильно зашатался, что вынужден был схватиться за стол.

Рихард Грюшенгауэр был ветераном перепоя и на последней Олимпиаде занял видное место. Уже несколько лет назад Алексей Степанов видел его на показательных выступлениях лучших перепойщиков в Большом Драмматическом театре Москвы. На его стороне был опыт, на стороне Алексея - молодость.

Секунданты забегали по помосту с ведерками, полотенцами и тряпками. Грюшенгауэр, покачиваясь, смотрел мутным, непонимающим взглядом. Лицо его, опухшее от тренеровок, клонилось к земле, руки беспорядочно дергались в поисках опоры.

Это могло быть и, вероятно всего, и было блефом - таким поведением он расчитывал усыпить бдительность соперника, представить поединок легким и малозначительным.

Одет он был в рваный рабочий комбинезон и ватник - непонятно, что толкнуло его на мысль о том, что такая, столь знакомая Степанову форма может пробить брешь в психологической защите советского спортсмена.

- Только не расслабляться, Алеша, только не расслабляться, - твердо сказал Степанову тренер советской команды, ас и видный теоретик перепоя, много сделавший для развития нового вида спорта; в частности его перу пренадлежали книги: "Перепой: спорт или искусство?" и "Нести людям радость" /летопись перепоя/.

Раздался предупреждающий свисток судьи и все, кроме двух секундантов, в обязанности которых входило по мере надобности открывать и разливать бутылки, покинули ринг.

Послышался второй свисток и соперники сели друг напротив друга. Рихард Грюшенгауэр неловкими движениями освободился от ватника и швырнул его на пол. От внимательного взгляда советского не укрылось, что комбинезон соперника выкрашен в соответствии с псевдонаучной теорией Гет-Кадинского о психофизиологическом воздействии цвета и хотя советская наука о перепое отвергла, например, производное утверждение Кадинского о рвотном рефлексе на сочетании синего и грязно-желтого, Степанов невольно отвел глаза от отвратительных сизожелтых пятнен, покрывающих Гамбургского Страшилище как жирафа.

Гул зала постепенно стих. Секундант Алексея живо открыл бутылку "Молдавского" красного портвейна и налил стакан.

- Полнее наливай, - негромко сказал Алексей, трепещущими ноздрями уловив знакомый запах. Степанов уже давно специализировался по "Молдавскому" портвейну, хотя и тренировался по комплексному методу. Спектр его спортинвентаря был широк - от шато Д, икема и К, Крем де Виолетта до тормозной жидкости и неочищенной палитуры, но предпочтение он отдавал портвейнам, что и было характерной чертой советской школы перепоя. Преймуществом "Молдавского" красного портвейна перед другими был высокий коэффициент бормотушности. Его противник боролся мятным ликером, не столь бормотушным, но специфичным и нажористым.

Таким образом технические параметры спортинвентаря противников уравнивались. Победа достанется сильнейшему.

...

Прозвучал гонг и состязание началось. Немецкий спортсмен расправил плечи и впервые взглянул на Алексея, разом отряхнув с себя напускную апатию. Высокие волевые качества мужественно светились в его глазах, компенсируя немалый для перепойщика возраст.

- Саукин сынь, а ну гляди, яко я стаканищу вышру, тфаю мать!!! - свирепо закричал Гамбургское Страшилище, вращая выкатившимися глазами. Он схватил стакан, сделав три глотательных движения, откусил кусок стакана и звонко проскрежетав зубами, проглотил. Рихард Грюшенгауэр принадлежал к тому, впрочем, довольно немногочисленному разряду спортсменов, которым мешал запрет на все виды закусок, кроме неорганических соединений.

Алексей чуть заметно усмехнулся. Он понял, что соперник делает ставку на устрашение. Но такая демонстрация силы могла встревожить кого угодно, но не советских спортсменов. Недаром остальные члены немецкой сборонй предпочли другую тактику борьбы - изысканный, талантливый стиль, пронизанный тонкой иронией и пренебрежением к противнику.

Алексей медленно, уверенными глотками допил четверть стакана, страшно сморщился и брезгливо понюхав остаток, оставил стакан.

Степанов, конечно, понимал, что даже в пылу борьбы соперник не сочтет этот блеф за чистую монету, но переходом от пассивности к резкой атаке можно добиться психологического преимущества у самого опытного противника.

Гамбургское Страшилище швырнул полусъеденный стакан за спину и, рыгнув, продолжил:

- А ну, сзукин сынь, смотри яко я фторой стаканищо вышру, тфаю мать.

Степанов встревожился. За столь грубой игрой мог стоять тонкий подвох. Дважды повторяя такой избитый прием, Рихард Грюшенгауэр явно пытался усыпить своей подготовленностью. Неясным был и странный акцент - ведь русский язык издавна стал международным языком состязаний по перепою и Грюшенгауэр хорошо знал его уже тогда, когда перепой только перешагнул границы Советского Союза и начал победоносно шествовать по странам и континентам, вытесняя другие виды спорта и искусства.

Алексей взглянул за канаты на совершенно заплывшее лицо своего тренера, сидевшего с бутылкой Стрелецкой за судейским столом.

- Еще спокойнее, Леша, спокойнее, - шепнул опытный тренер, только утром перенесший зверский припадок белой горячки, и Степанов понял его по движению губ.

Под жуткий скрежет второго съедаемого Страшилищем стакана Алексей спокойно допил свою первую дозу.

- Наливай по два стакана, - сказал он секунданту.

Прошло уже половина первого раунда, а Страшилище набрал в пять раз больше очков - приходилось дать себе отчет, что тактика на устрашение, точнее замешательство, сработала.

Алексей плавным жестом поднес свой второй стакан и сильно, уверенно выпил; в тот момент, когда его правая рука ставила стакан таким же плавным жестом - левая уже поднесла другой ко рту, когда и тот стакан был выпит, правая уже подносила наполненный секундантомтретий стакан.

В таком темпе он работал еще минут десять, пока голос коментатора не заставил Алексея прислушаться.

- Русский перепойщик, - быстро говорил коментатор, - демонстрирует великолепное владение стилем "загребальная машина", хотя нельзя неотметить, что он исполняет стакан в три с половиной выхлеба, а немецкий перепойщик в один, что сильно скажется на оценках, вынесенных судейской коллегией. К тому же Степанов явно пренебрегает психологической борьбой с противником. Создается впечатление, что он его просто не замечает, что тоже является своего рода стилем, отвергнутым однако еще на заре развития перепоя. Такой стиль более угнетает и подавляет самого спортсмена, нежели его противника, кроме того я думаю, что телезрители скажут вместе со мной: Такой перепой нам не нужен! Это уже не искусство!

- А ну гляди, гадина поганная, гляди, яко я тевятый стаканишшо вышру, мать тфаю! - кричал Гамбургское Страшилище.

Алексей понимал, что явно проигрывает в артистизме, но не мог изменить тактику до конца раунда, так как в перерыве противник решил бы перестроиться.

Атаку и решительную атаку нужно было начинать в начале второго раунда.

...

Прозвинел гонг и секунданты бросились на ринг, чтобы утереть лица спорцменов и стол.

Тренер положил руку на плече Степанову:

- Нормально, Леша, нормально. Походи по рингу. Запомни: левой больше работай, левой! А главное - не дай себя запугать. Ты ведь злее. Я ведь помню: пацаном, ты литр литр самогона осилить не мог, а уж был злой.

Глядя на расплывающиеся черты дорогого лица, Степанов вспомнил их вчерашний разговор с тренером:

- Значит "Молдавский" красный? - строго спрашивал тренер.

- Красный, только красный, - твердо отвечал Алексей.

- Конечно, Леша, конечно! А может всетаки белый? Или хотя бы розовый? Недоберешь коэффициентом бормотушности - возмешь колличеством. Все помни, ведь у тебя на прошлой неделе...

Да. Алексей помнил, хотя и нетвердо, что на прошлой неделе перенес прободение язвы желудка. Да, "Молдавский" красный, "Молдавский", разящий меч советских перепойщиков - ты не любишь слабых.

- Нет, Иваныч, нет - красный, только красный. Ведь спорт любит сильных.

Тренер опустил плешивую голову и не скоро поднял ее, смахнув щедрую слезу старого перепойщика.

- Другого ответа я не ждал. Пора и за тренеровку.

И Иваныч стал выставлять на тренеровочный стенд до боли знакомый спортинвентарь - темно-зеленые бутылки в опилках с желтыми жестяными пробками без язычков.

- Создается впечатление, - диссонансом врезался в сознание Алексея голос коментатора, - что немецкому мастеру удалось подавить волю советского спортсмена к победе. Однако, посмотрим, что скажут судьи.

На гигантском табло зажглись огни - судейские оценки. Алексей еще твердо различал эти неутешительные для него цифры, после второго раунда их обычно сообщал тренер.

Рихард Грюшенгауэр получил за артистизм исполнения почти в два раза больше баллов и чуть-чуть вырвался вперед по колличеству абсолютных алкогольных единиц - хотя немецкий спортсмен к концу раунда и снизил темп, но крепость и коэффициент сахарности его напитка были больше.

Гамбургское Страшилище не вставал со своего стула - он сидел вразвалку, блаженно раскрыв громадный рот и двое секундантов изо всех сил махали перед ним полотенцем, вгоняя в его пламенную пасть свежий воздух. Двое других секундантов массировали ему руки.

- Зачем это? - мрачно подумал Степанов, - будто бить меня собирается.

Международная Федерация Перепоя уже давно поднимала вопрос о допустимости физического контакта соперников, однако окончательное решение по этому вопросу еще не было выработано.

Иваныч между тем втолковывал Алексею тонкости возможного поведения соперника. Степанов, наморщив лоб, слушал его, растроганно думая о завидной памяти старого перепойщика.

Иваныч помнил даже восьмидесятые годы XX века или как их называли - "лютые восьмидесятые". Алексей с трудом верил в жестокие рассказы об этом времени.

Например: Иваныч рассказывал, что по воскресеньям в магазинах совершенно ничего не продавали. Можно ли в это верить? Ведь человек, когда уже шагнул в космос, бурно развилась электроника, машиностроение и в воскресенье человек ничего не мог выпить.

Если кто делал и продавал самогон - давали срок до пяти лет.

- Это как же - за самогон посадить могли? - недоверчиво смеялся Алексей.

- Могли припаять свободно, - поучительно говорил тренер, - за самогоноварение до пяти лет.

- А вот если я суп сварил, тоже посадить могли?

- Нет, за суп не сажали.

- А если чаю заварил?

- Вроде нет... не помню. Эх, Лешка, много чего было... такого... - Иван поглаживал стакан, мучительно вспоминая чего-нибудь.

- На улицу страшно было выйти. Бандиты везде... нет, это в Америке бандиты были, а у нас - менты! Менты у нас были. Вотсейчас милиционер тебя на соревновании охраняет, цветы тебе дарит, ты с ним поговорить можешь, как с человеком. А тогда милиционеры вроде бандитов были. Неохота ему работать, а охота ему кобелиться и залупаться - вот он и идет в менты. Идешь ты мимо него, трезвый даже, а он тебе ручкой вежливо - давай залупаться: ваши документы, ваш рабочий пропуск, а что у вас в сумке, пройдемте, разберемся.

- Так что же вы такие пришибленные были - почему же вы не боролись?

- Ага, мы боролись, это точно ты сказал - в очередях особенно боролись. Соберуться, бывало, менты толпой у магазина и смотрят, как ты борешься. Потом оцепят магазин - кого хотят, того пустят, не покажешься им - увезут к себе в КПЗ и натешатся вдоволь - борються с тобой... - Иваныч зябко повел плечами и тяжело вздохнул. - За гластность велели бороться тоже. Чтобы одну правду говорили. Рпскроешь, например, центральную газету, а там на первой странице прямо так и написано: "Наше правительство опять здорово лопухнулось". Или войдешь в соловую, а там на стене лозунг: "Кормим дорого, долго и не вкусно". Да, дорого... дорого все стало. Получку за три дня пропьешь, если дурак. У тех и лозунг такой был: Заработал? Пропей.

- Нет, Иваныч, заврался ты совсем. Это ты мне про Америку все рассказываешь - там и бандиты, и посадить могли, и гластность, и дорого все.

...

Ударил гонг и секунданты, спотыкаясь о пустые бутылки, выскочили с ринга.

Гамбургское Страшилище взял в руку десятый стакан и, почесывая живот, начал:

- Мать тфаю, клянь-ка, как...

- А ну, мать твою, молчать, у меня харчемет - соплей перешибу! - что было сил прорычал Алексей и, быстро повернувшись к секунданту, продолжал:

- А ты что возишься? Дай сюда!

Алексей выхватил из рук секунданта откупоренную бутылку "Молдавского" красного, откусил горлышко, харкнул им в сторону соперника и влил содержимое в свою брюшную полость хлебком полтора выхлеба прогнувшись.

- ... как я десятый стаканишко выжру! - не потеряв духа продолжал кричать Гамбургское Страшилище.

Жутко захохотав, Степанов выхватил из рук секунданта вторую, уже откупоренную бутылку портвейна и, глубоко вздохнув, вскинул ее над головой.

- Вот какой перепой нам нужен! - закричал коментатор, - советский спортсмен проводит исключительной красоты прием под названием "вакуум-насос": вино втягивается одним глотком так, что пузырьки воздуха не проходят в надвинное пространство и, таким образом, сильная работа ротовых мы7 создает там абсолютный вакуум. Да! Спорт не любит слабых! Спорт любит сильных!

В этот момент опустевшая бутылка с очаровательным звоном брызнула во все стороны, не выдержав давления столба окружающего воздуха. Вся морда Алексея оказалась изрезанная осколками.

Волны оваций гремели по залу, да и во всем мире. Наверное многие телезрители уронили стаканы.

- Интерес к состязанию огромен! - с радостным напором, захлебываясь кричал коментатор, - многие информационные и телевизионные агентства в связи с состязанием даже отложили сообщения о ходе сто девяносто восьмого раунда переговоров на высшем уровне между товарищем Иваном Абрамовичем Натансоном и господином Натаном Завулоном по вопросу о сокращении ракет средней дальности в Европе.

Не теряя ни секунды, Алексей продолжил столь блестяще начатую атаку; достигнув прочного успеха, он снова перешел на игру в своем излюбленном стиле "загребальная машина", дополняя ее красивым матом.

Сильно деморализованный кровавым видом Алексея Гамбургское Страшилище что-то бормоча грыз свой десятый стакан. Немец схватил его, открыл рот, но, не говоря ни слова, начал пить.

Алексей увидел, как его соперник закашлялся, закурлыкал и, схватившись за рот нагнулся под стол.

Зал ревел, как прибой, все накатывались и откатывались от Алексея, качаясь справа налево.

- Замечательная победа советского спортсмена! - еле звенело в ушах и Степанков не понимал: как? Разве уже все кончилось? Глава судейской коллегии, не дожидаясь, когда вспыхнет табло, пролез под канатами, побежал, схватил руку Алексея и высоко поднял ее.

Голос из денамика гордо загремел над колышущимися трибунами:

- В связи с проблевом на месте, допущенным Рихардом Грюшенгауером, победа присуждается Алексею Степанову, Советский Союз!

КОНЕЦ ФИЛЬМА

/фильм снят на пленке шосткинского комбината "Сфема"/

Иван медленно встает. В его глазах невыразимый ужас. Не сводя глаз с телевизора, он на цыпочках крадется к двери; Валера Марус чмокает и переворачивается на другой бок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЧАЛ ЗА ЗДРАВИЕ - КОНЧИЛ ЗА УПОКОЙ

Наутро Валера вскочил, как полоумный, не выключив телевизора бросился на работу, по тому как знал, что если он еще и на работу будет опаздывать, его точно отправят принудительно лечиться на Балтийский завод.

Поэтому, когда он пришел вечером с работы, телевизор еще работал. Валера некоторое время тупо смотрел на телевизор, не понимая, почему это он работает.

- Сегодня, дорогие товарищи, мы начинаем чтение автобиографии известного музыканта В.Шинкарева "Говно в проруби".

ЧАСТЬ первая - "Везде хорошо"

ЧАСТЬ вторая - "Там, где нас нет"

Валера все равно ничего этого не понимает и выключает телевизор, со злостью думая, сколько же электричества он сожрал за ночь и целый день.

Этот бред так насыщен прекрасными эпиграфами, что невольно хочется сказать /но, кстати, это вовсе не бред, а сопротивление ежеминутно нарастающей всеобщей бессмыслицы/: А сейчас я наворочу еще больше эпиграфов. Хорошая книга может состоять из одних только с умом подобранных эпиграфов, так, точно они выражают первоначальные намерения автора.

"Санкт-Питербург, новый город, выросший
по воле царя, прекраснейшим образом
демонстрирует почти чудовищные
структурные аномалии и неуравновешенность
таких больших городов"
Ф.Бродель

"Единственным светилом в Дуггуре, его
солнцем служит луна"
Д.Андреев

"... за Невой, в полусветлой, зеленой
тандалии повозстали призраки островов и
домов, обольщая тщетной надеждой, что тот
край есть в действительности и что он -
не вобщая бескрайность, которая выгоняет
на Питербургскую улицу бледный дым
облаков"
А.Белый

"Никифоров знал магическую силу писания,
которая притягивает к себе жизнь, то, о
чем писалось, то было полнейшим вымыслом
- поднялось из твоего мрака, из твоих ила
и водорослей, внезапно воплощается в яви
и поражает тебя иногда смертельно"
Ю.Трифонов

"Нет исхода из вьюг
И погибнуть мне весело"
А.Блок

Но так сидеть скучно - Валера посмотрел всю коллекцию открыток с изображениями артистов, которую он собирал недели две, допил брагу и на какой-то момент искра неумной, веселой надежды заслонила от него комнату с окном: нет, все правильно! Живет он, дай Болг всякому, жены нет, работа нормальная, с аванта будет тахта, а не раскладушка. А там еще женщина какая-нибудь полюбит Валеру.

Валера включил телевизор.

"... таким образом можно с уверенностью сказать, - уверенно говорил человек в белом халате, похлопывая по ЭВМ, - в основных чертах будущее прогнозировать можно! Зная, конечно, основные законы развития человеческого общества.

- А вот телезрители спрашивают нас: Можно ли прогнозировать индивидуальное человеческое будущее?

- Какое будущее, - растерянно говорит человек в белом халате.

- Может ли сам человек прогнозировать, в общих, конечно, чертах свое личное будущее?

- Нет! - отвечает ученный, подумав, - этого сделать нельзя! Вот пример: знал ли мой однокурсник Борис, бренькая в армейском туалете на гитаре, что в недалеком будущем он будет совещаться с Иоко Оно о путях развития рок-музыки? Нет, этого он не знал. Другой разительный пример. Вот, кстати, у меня для этого форография... /Находит в кармане и показывает телезрителям какую-то древнюю неразборчивую фотографию/. Вот фотография маленького Мити. Вопрос: знал ли маленький Митя, что в будущем он станет знаменитым Дмитрием Ивановичем Менделеевым, автором периодической системы элементов? Нет, этого он не знал.

Валере делается почему-то жутко. Он тоже ставит себе какие-то непонятные вопросы: Знал ли Валера Марус, что... Мог ли кто-нибудь помыслить, что Валера Марус... А что?

Валера подходит к окну и с тоской смотрит: черный снег, ветер. Буранный сумрак.

Громадного калибра полная луна пролетела под черной прорубью в облаках.

Валере делается привычно одиноко, это бесконечное молчание, молчание или телевизор.

Он возвращается к телевизору и, переключив, с удивлением видит в пелене снега знакомое лицо Джакоба Кулакина: ведь телефильм-то еще идет! Ну, слава Богу, это последняя серия.

Джакоб удивленно рассматривал веселых гренадеров и штатских, машущих какими-то флажочками и славящих свою царицу. Его схватил за плече и развернул на себя совершенно пьяный свирепый мещанин. Сквозь снег и темноту он принял серебряные пуговицы на камзоле Джакоба за часть какой-то униформы, сорвал шляпу и полушутливо кланяясь, заорал:

- Молодцы, братцы! Покрошили, наконец, ферфлюхтеров, дай вам Бог, и матушка наша Елизавета... ура, мать вашу!

- Ура! - грянули вразнобой в мелькающих фонарях, - Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый росс!

Как влюбленный ошибается, пускаясь вдогонку за незнакомой женщиной, которую его ищущий взгляд принимает за влюбленную, так Джакоб бросился за многими прохожими; но, казалось, на этоу улице, где со времен Петра звучали десятки языков и толкались сотни черных шкиперов - Джакоб единственный иностранец, а Монтахью нигде; мы с ним остались вдвоем, если он лежит на дне Маркизовой лужи - и мне не уйти далеко.

Господи, смилуйся над всеми, кто в море сейчас, этой ночью. Вихри черного снега, ветер, бурный сумрак - вот ткань жизни этого города, а им все непочем! Беснуются, плачут, машут флажочками, все наполненно удивительной ледяной страстью.

Петербург: у-уу! Ожесточенный город.

В данном случае горожане радовались тому, что Фридрих, изнывающий за свой Берлин, как птица за гнездо, утратил все из короля Пруссии в рядового Бранденбургского курфюрста.

Внезапно Джакоб почувствовал словно удар в сердце: он был уверен, что это Монтахью проскакал там - третий, с двумя рослыми гренадерами - и были они молчаливыми, непохожи на остальных.

Сдешним жителям известно, что при полной луне мертвецы скачут на север.

Застонав, Джакоб отшатнулся в темный переулок или прожодной двор. Заехавши отдышаться или покемарить, возница зашевелился в развалинах.

- Что, барин, нагулялся?

- Который час?

- Эк, его! Да заполночь.

- Возница! Продай мне водки, прошу тебя... или поезжай, достань где-нибудь...

- Да ты не из неметчины ли?

- Нет, я шотландец... Ну, англичанин.

- Сейчас где достанешь, а продать могу. Пятнадцать целковых.

- Ты что, ошалел? Десять!

- Эх, барин... Десять когда было - до указа...

Джакоб заскрипел зубами, роясь в карманах.

- Возница! Бери ты все: эту шляпу, серебряные пуговицы Алана Брака... вот десять целковых... Дай горячей водки!

Возница взял деньги, шляпу, пуговицы, вздохнул и протянул Джакобу заткнутую тряпицей бутыль.

Ватага веселых молодцов, горланя своего храброго роса, ворвалась во двор.

- Вот ты где! - с недобрым удивлением гаркнул один из них, - Давай, батя, водку живее!

- На! Ищи, сукин сын, свою водку: нету у меня больше ничего.

- Ты как с бойцами разговариваешь? Мы тебя от куроцапов защитили.

- Вот, последнюю бутылку господину продал!

Гренадеры, как по команде, повернулись на Джакоба и стали примериваться к нему жадными взглядами.

- А и вправду, господин; да ты не куроцап ли, не ферфлюхтер?

- Как есть ферфлюхтер!

- Пусть он скажет!

- А что разговаривать - национализировать излишки! А добром не отдаст, надобно будет наказать за противность!

Джакоб удовлетворенно улыбнулся.

- Давай, давай, - брезгливо бросил он гренадерам, - ну-ка, топай сюда! Веселися, храбрый

Макрорус!

Гренадеры этого честно не ожидали никак, некоторые даже действительно сделали движение уйти.

Джакоб до крови сжал зубы; лицо его дрожало от радостной ярости, но рука, выхватывая шпагу, была тверда.

...

Буря прошла, но тротуар и рельсы совершенно засыпал почти теплый снег, который как манная из доброй шотландской сказки, все валит, налипая на кружево развалин и мясо кирпичей сломанных домов.

Усталый прохожий представляет себе какую-нибудь встречу - врядли здесь встретишь женщину... ну, старичек, толстый дедушка с волосами, как пух, пьяный... нет, старый хрыч, ты и днем надоел.

Все же женщина, прекрасная дама былых времен, и нет грязи под цоканьем ее копытец.

Фонарь нерезким светом освещает снизу ее лицо сквозь вуаль, или нет? - паутина проводов это, а не вуаль.

Какая странность, совсем не детская улыбка! Она наклоняет голову, от смущения ее лицо...

- Конечно, но не говорите так громко при них...

Пьяный старик с волосами, как пух, блестит щелочками глаз. Уж не смеешься ли ты надо мной, старый хрыч?

Синюшный заспаный юноша, закрыв глаза, передвигается вперед как механическая кукла.

- Я вижу, вашим спутникам нет дела до вас - позвольте мне быть провожатым.

Ее сверкающая рука медленно показывается из муфты.

- Эй, прочь с дороги, парень! - но так и есть - юноша задевает окаменевшего старика и боком валится на снег, продолжая равномерно елозить ногами. Сонная слюна течет ему на жабо.

- Дорогая, пусти их! Что им за дело до них? Пусть торчит в снегу твоя шутовская гвардия, задрав к нам вниз руки, как пугала! Вот он погружает город на свое темное дно, мнет и корежит шпили - кресты и кораблики, с которых давно всплыли как засверкала зеленым перламутром чешуя птиц, поющих рассветную песнь для моей возлюбленной.

Обними меня одной рукой; оберни поверхность тела, будто плащ.

Колючий, как опасно сияющая стекловата - белый сок любви, извивающийся в нас.

Ты мой плод, чуть шевеля кольцами, искрящимися клубком, дремлешь во мне...

...

Господи, помилуй!

Ну хватит. Как я устал и боюсь - закрыть бы себя руками и не видеть, уткнуться головой в теплые, пушистые котлы, оцепенеть от их непристанного хриплого мурлыканья.

Это конец, хватит писать. /Все померли, а нет, так не долго осталось. И про что вся эта пьяная музыка?/

Я наверное даже не развлек тебя, может быть вызвал твою меланхолическую улыбку?

Не вышло, так и хрен с ним.